

О. Палек

Триста историй из советского детства с иллюстрациями

Бабушка Варя

Бабушка Варя, как и другие старушки того времени, выходила посидеть на скамейке около подъезда. Но с другими пенсионерками не разговаривала. Она всегда молчала. Сядет лицом к улице, как будто всех встречает. Когда проходит подросток, спрашивает: «Сережа?» Не слушая ответа, кивает и снова смотрит куда-то вдаль.

Последний приют бабушки Вари

Мама рассказала, что баба Варя приехала во время войны с Украины вместе с эвакуированным заводом. У нее была большая семья — муж и сыновья. Все погибли на войне. Последнего, подростка Сергея, угнали в Германию. Вот уже тридцать лет от него нет вестей. Я брякнул, что ее сын наверняка давно умер. Мама печально ответила, что это единственная надежда, которая поддерживает жизнь бабушки. Больше у нее никого нет. И если будет окликать меня, надо ответить: «да».

Однажды я увидел, как с бабушкой разговаривал работник ЖЭКа. Когда он ушел, я забежал в подъезд. Баба Варя окликнула: «Сережа?». Я привычно ответил «Да», как вдруг она добавила: «Я приду к тебе сегодня». И опять отвернулась. Дома мама сказала, что работник принес весть о смерти Сергея.

Ночью бабушка Варя умерла.

Как я водил девочек в подвал

В 6 лет мальчишки во дворе показали т.н. называемые «сверкальные камни». Два камня при соударении высекали искры. Но когда я стал показывать этот «фокус» во дворе, один парень поднял меня на смех. У него была трубка от сломанной зажигалки с колесиком. Он крутанул колесико, и прямо из пальцев вылетел сноп ярких искр. Увидев мое восхищение, товарищ подарил мне это устройство. Сказал, что кремний все равно

почти

сточился.

Я принес «девайс» в детский садик и решил поразить группу. Но «наудивлял» недолго: воспитательница поймала и надрала мне уши. А когда пришла моя мама, пожаловалось ей:

— Приставал к девочкам, предлагал сходить в подвал, кое-что там показать.

Мама повернулась ко мне:

— Это так?

— Да. Я показывал им искры! — я продемонстрировал свое нехитрое приспособление. Правда, искры уже не получались, сточился кремний. Воспитательница покачала головой.

— Почему в подвале?

— А где еще? На улице светло, не видно.

— А почему девочек?

— Я приглашал *всех*, но мальчикам неинтересно.

— А девочкам интересно?

— Когда приглашал, да. А когда видели искры, нет. Не знаю, что они хотели увидеть.

Мама обратилась к воспитательнице:

— Вот видите, надо сначала разобраться, прежде чем драть уши. — Потом повернулась ко мне и забрала «искрометатель». — А ты сначала объясняй, что хочешь показать, а то могут неправильно понять. И к девочкам вообще лучше не обращайся, потому что...

Но мы уже вышли за ворота садика, мама увидела автобус на остановке, мы побежали. Воспитательная беседа прервалась.

Я еще долго не понимал, чем это девочки так отличаются от мальчиков, что их нельзя приглашать в подвал. Но на всякий случай сторонился их. Лет до шестнадцати ☺.

Как меня угоняли в Германию

Первая серия многосерийного художественного фильма «Партизанская эпопея» нашей киностудии: немцы угоняют советских подростков в фашистское рабство. Сценарий не помню, похоже, его и не было, режиссер импровизировал.

Сцена 1: фашисты собирают подростков на железнодорожной платформе. Сцена 2: поезд трогается, крупные планы замотанных подростков и плачущих родителей. Сцена 3: доблестные партизаны останавливают поезд и отбивают советских граждан.

«Угоняемые подростки». Слева — я, справа — Саша Дивисилов.

Михаил попросил актеров одеть самую плохую зимнюю одежду и собраться в студии рано утром в выходной. Температура была -28° и ветер. Пришло человек десять. Когда вышли из подвала вместе с «фашистами» и «партизанами», местные жители решили, что мы детдомовские и

приносили одежду и еду.

Поехали на ж/д станцию в районе АТЗ в час пик, вместе с рабочими, спешащими на работу. Те попытались сдать нас в милицию, но «партизаны» отбили.

Прибыли в тупичок в дальнем углу станции. Операторы развернули камеры, подключили софиты. Вагон имелся только один, работал за весь эшелон. Попробовали его вручную сдвинуть — бесполезно, примерз. Поэтому движение должны были изображать актеры: по команде резко наклониться, как будто вагон поехал. А камера поедет на тележке, взяли на вокзале. Перед тележкой идут «фашисты», оба: больше формы не хватило. В шубах, со [«шмайсерами»](#) и летними кепочками, подвязанные шарфами — другого реквизита не было.

Мне выпала центральная роль: при попытке бегства фашисты меня убивают, и я должен быть картинно выпасть из вагона. Я поскользнулся на подножке и завалился на рельсы. Разбил подбородок до крови. Михаил сказал, что сыграно гениально. Жалко, что сцена не вошла в картину: камера была одна и в тот момент направлена в другую сторону, а дублей мы не делали из-за нехватки пленки.

Все изрядно задубели. Разожгли костер прямо на перроне, типа военный антураж. Пока приехали пожарные, успели отснять пару сцен: подростки греются у огня. Самый лучший эпизод, сыграли абсолютно натурально.

Пошли на вокзал за кипятком. Десять замерзших подростков и двое «фашистов» в форме с оружием. Снова вызвали милицию. На этот раз те подогнали «автозак» и всех отвезли на студию. От греха подальше.

Я так и не понял, вышло ли «кино». Как понимаю, получились обрывки, которые Михаил склеил и сделал фильм «Мотор!» про детскую студию. Черно-белую и без звука. Она даже в городском фестивале фильмов участвовала и завоевала утешительный приз «За энтузиазм» 😊.

Пьеса о Зое

В театральный кружок ходила Татьяна, племянница руководителя. Девушке было лет 17: высокая, стройная, красивая. Ходили слухи, что она никакая не родственница Александру, что их связывают близкие отношения. Лучшие роли доставались ей. Честно говоря, справедливо: Таня была лучшей актрисой в нашей труппе. Хорошо двигалась, играла, с легкостью заучивала длинные тексты. С одним недостатком: ей нравились только яркие, эмоциональные роли, сейчас бы сказали эпатажные. Чтобы душа нараспашку на сцене. Поскольку подходящего материала было мало, она пыталась в такой манере играть обычные роли советских школьниц и понятное дело, переигрывала.

В апреле в нашем городе еще прохладно, а отопление часто выключают. Поэтому в нашей камерке, по совместительству гримерной и все остальное, было прохладно, а на сцене вообще дубак. Поэтому мы не репетировали, а играли в прятки и жмурки, бегая по залу. С девчонками это прикольно. Но руководитель объявил, что мы участвуем в общегородском

смотре, посвященном победе в Великой Отечественной войне. И должны подготовить что-то подходящее. Тут же Татьяна сказала, что *они* (я так и не понял, кого она имела ввиду) адаптировали военно-патриотическую «Повесть о Зое» для сцены. Роли найдутся всем, саму Зою Космодемьянскую она сыграет сама.

Если кто не помнит, [Зоя Космодемьянская](#) — красноармеец, совершившая подвиг в тылу врага и зверски замученная фашистами. В советское время ее образ был очень популярен: много памятников, улиц с ее именем, книг и передач. Символ героизма советского народа. Так что предложение поставить пьесу на этом материале было воспринято с энтузиазмом.

Памятник Зое
Космодемьянской

Сомнения возникли только у реквизитора Сергея Ивановича:

— Вот тут написано: «Зоя бросает бутылку с зажигательной смесью, дом загорается». Загорается *что*?

— Олег, — Таня кивнула на меня, — обещал сделать бутылку с горячей тряпкой. Я ее кину за кулисы, там ее поймут и потушат. Тут же софиты гасим, и направим на задник пушку с красным светофильтром, как будто пламя.

— Хорошо... — Сергей Иванович продолжил читать. — «Зою голышом водили по снегу». Снег, допустим, я обеспечу, а что значит «голышом»?

— Босиком, — поправила Таня. — Я буду в шелковом платье, оно смотрится, как комбинация.

— Так, дальше... «Сначала Зою избили ремнями, но она молчала. Тогда ее начали пытать раскаленной кочергой».

— Ремни изобразить несложно, а с кочергой... Может на конце кочерги закрепить красный фонарик?

— Неубедительно... — протянул Сергей Иванович. — Ладно, что-нибудь изобразим. Читаем дальше: «Немецкий офицер накинул петлю на шею Зои и выбил из-под нее ящик. Веревка дернулась, прервав последний призыв героини. Толпа ахнула». Толпа точно ахнет. А нас всех посадят.

— Веревка на шее будет бутафорская, — пояснила Таня. — Под белье одену монтажный пояс с карабином. Через него сзади меня привяжут тонкой

страховочной веревкой, бутафорская веревка ее замаскирует. За кулисами будут поддерживать ее через блок.

— Гм... Все равно рискованно. Порвется что-нибудь, ты еще и несовершеннолетняя.

— Уже репетировали. Иначе вся пьеса развалится. Героиню же замучили, а не накормили и отпустили.

В общем, Татьяна победила. Она могла быть *очень* убедительной, когда хотела. Из нее бы получилась великолепная комсомолка 20-30 гг, в черной кожанке, в красной косынке, сапожках, с маузером на поясе... Ой, что-то я размечтался 😊.

Мы начали репетировать. Ролей немного, главная у Тани и ее антагониста, немецкого офицера, его играл сам руководитель. Остальные, можно сказать, статисты. Немецкая форма нашлась для двух солдат. Офицера одели так, как эсэсовца в «Семнадцать мгновений весны»: черный костюм с белыми нашивками. Сцены три: партизанский штаб, дом, который поджигала Зоя и где ее схватили, эти же декорации для казни. И еще внутри хаты, где пытали героиню. На полчаса действия. Справились за пару недель. Представление собирались дать 9 мая на сцене ДК АТЗ.

За день к нам в клуб приехали директор ДК АТЗ Татьяна Павловна и секретарь горкома, Вячеслав. Необходимости в «инспекции» не было, Александр Ивлев хотел пропиарить нашу труппу, авось удастся выбить финансирование гастролей. Дуть дешевое пиво ему надоело.

Раньше сцену поджога, пыток и казни репетировали условно, чтобы не усложнять. Перед «высоким руководством» решили показать по полной. И тут началось...

Зоя поджигает бутылку и кидает за кулисы. Девушка здоровая, кидает по полной, с пафосом, т.е. черт знает куда, а не мне, чтобы я тут же потушил тряпку в тазу с водой. Попадает в бумажные декорации. Они вспыхивают и все, кто был за кулисами, бегут их тушить, забыв включить красные прожектора. Впрочем, горение декораций выглядело более натурально.

Сцена «гуляния» босиком по снегу. Тут просто: вместо снега белая бумага на полу, а Таня нарядилась в яркую комбинацию. Татьяна Павловна расширила глаза от удивления и что-то записала в записную книжку.

Наверное, отметила отличную игру героини. Та в самом деле сыграла гениально. Просто потому, что была босиком, а пол градусов десять.

Сцена пыток. Пока была порка, все выглядело прилично. Таня натурально стонала, как сказал Вячеслав (я был недалеко и слышал), наверное, был опыт. Что за «опыт», я тогда не понял, вроде отец Таню не бил. Но когда дошли до раскаленной кочерги, пошло наперекосяк. Якобы из печки вытащили жаровню с углями. Это

хорошо, потому что хоть как-то согревало сцену. Среди углей лежала кочерга. Добела она не раскалилась, но все равно выглядела устрашающе, светилась и дымилась. Александр, играющий палача, вертел кочергой перед главной героиней, не удержал, смазал ей по плечу. Слава богу, кожу не задел, но бретелька платья-комбинации расплавилась, пошел дым. Таня взвизгнула на ультразвуке. Татьяна Павловна снова что-то записала.

Казнь. Тут Таня выдала пафос по полной: «Моя смерть — это мое достижение. Победа будет за нами. Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете!» Александр выбивает ящик из-под ее ног, девушка повисает на веревке, что зацеплена за монтажный пояс под комбинацией. Со стороны зрительного зала бумажная «веревка» охватила шею, все натурально. Но Таня решила поднять градус пафоса и начала изображать агонию, т.е. дергаться туда-сюда. Сергей Иванович, который страховал актрису, не удержал веревку, и героиня сорвалась. Упала, стукнулась об ящик. Но вот профессионалка! — поднялась и выдала: «Сволочи! Даже повесить нормально не можете!». Вот только белье у нее задралось, стало видно трусики и монтажный пояс. Вячеслав не выдержал и хихикнул. Татьяна Павловна грозно зыркнула на него, и он заткнулся. После чего перевернула страницу в записной книжке.

Должна была еще сцена, когда немцы фотографируют повешенную, и заключительная с посмертным награждением и песней, но поверяющие махнули рукой. Судорожно опустился занавес.

Взрослые ушли в каморку. Что они там терли, никто не узнал; но одна девушка носила им чай и слышала разговор на повышенных тонах.

В общем, пьесу нашу не пропустили ☹️. А жаль, смотрелось феерично!

Инопланетянин нашего района

Сидят два мужика на холме с бутылкой водки. Рядом опускается космический корабль, из него выходит инопланетянин и говорит: «Я инопланетянин!». Мужики наливают ему. Тот выпивает и снова: «Я инопланетянин!». Они еще наливают. Тот выпивает: «Я инопланетянин! Скоро на вашу Землю будет вторжение!». Один мужик другому: «Так, инопланетянину больше не наливать».

Анекдот

Как-то в 1976 году Костя, мой товарищ из первого подъезда, предложил сходить к *инопланетянину*. Я любил астрономию, книги про космос, фантастику, но на предложение покрутил пальцем у виска. Но Костя ответил, что на вторых Черемушках в самом деле живет инопланетянин. Все его зовут дядей Борей, хотя он прибыл на Землю с Альфы Центавры. У него дома большая коллекция книг о космосе и даже настоящий метеорит. Мне же надо доклад писать по астрономии, вот отличный материал. Только в качестве оплаты надо взять с собой что-нибудь спиртное.

У меня было немного медицинского спирта для опытов, кинул в портфель и пошли в гости.

Дядя Боря жил с женой в однокомнатной квартире. На кухне обитала жена, остальное пространство занимал «кабинет» мужа. Картины космоса, книги, какие-то странные модели в крайнем беспорядке. Мужчине было за сорок, встретил нас в халате и тапках. На руке браслет из какого-то странного металла. Прошли, с трудом нашли место, чтобы сесть. Когда раздевались,

хозяин обследовал нас каким-то аппаратом, так и не понял зачем: то ли микрофон искал, то ли радиоактивность проверял.

Я сразу спросил напрямик:

— Вы действительно инопланетянин?

— Конечно, — пожимает плечами дядя Боря, — все это знают. Даже в милиции записан, как «инопланетянин Борис Иванович».

— Как-то непохоже, — засомневался я.

— А ты хотел увидеть фиолетового осьминога или рептилоида? Вселенная разнообразна, но законы углеродной эволюции везде одинаковы. Так что неудивительно, что почти все инопланетяне антропоморфны.

— Но ведь жизнь редка?

— Да кто тебе такое сказал? Только в вашей галактике больше миллиарда землеподобных планет в зоне обитания. Жизнь не редка, она тупа. Зарождается и умирает, сама себя губит.

— Почему? Я читал много книжек, там даже галактические империи встречаются.

— Агрессия и губит. Все имеет конец в природе, даже жизнь. Вам тоже недолго осталось. Засрете планету, а других-то рядом нет. А до пригодных для жизни вам лететь тысячи лет. Не цените то, что имеете, все потребляете и потребляете. Есть и другие варианты, например искусственный интеллект.

— Роботы?

— Роботы нахрен не сдались, только при освоении планет и на заводах. Если человека лишить физического труда, он деградирует. Но все

цивилизации почему-то упорно создают своих могильщиков — искусственные мозги. И почему-то думают, что смогут им управлять.

— А что, разве нет? Робот — слуга человека.

— У этого слуги другое тело и другое сознание. Часто много лучше, чем у человека. Почему он должен тебе подчиняться?

— Ну... — я не нашелся, что возразить, — он так запрограммирован.

— Роботов программируют не только для работы, но и для войны. Дают им разрешение убивать. И почему-то думают, что убивать он будет только врагов. А для робота различие между врагом и другом — один знак в коде программы. Измени ее по ошибке или злонамеренно и получишь апокалипсис.

— Все так погибают?

— Обычно гораздо проще. Астероид ударит, или вспышка на родной звезде и каюк. Жизнь ведь очень хрупка.

— А где ваш корабль?

— Разбился и его американцы растащили на сувениры. А я сбежал и получил убежище в СССР. Кое-какие секреты выдал, а потом меня забыли.

— А что делаете в нашем городе? Это же глухомань.

Борис Иванович развел принесенный спирт водой из чайника, выпил.

— А ты знаешь, что на вашем заводе делают? Думаешь, только тракторы? Ты еще малой, лучше не знать. Я консультантом работаю. Американцем помог, теперь вот СССР поднимаю. Вношу, так сказать, паритет в международных отношениях.

— А мне говорили, что вы много пьете, — вставил Костя.

— Конечно, будешь пить на такой работе. Хотя на самом деле спирт нужен только для дезинфекции моего организма от вашей чужеродной микрофлоры.

— А откуда вы прилетели? — спросил я.

— С Альфа Центавры, это ближайшая к вам звезда. На самом деле еще дальше, на Альфе я попал в аварию и чинил корабль. Негостеприимное место: двойная звезда, и излучение скачет, как у меня сейчас давление.

Мужчина присоединил к браслету какие-то провода, глянул на осциллограф. — Во, уже за 160 перевалило, а ведь раньше был, как огурчик. — Он взял с тарелки старый соленый огурец, откусил. — Раньше стометровку за 8 секунд пробегал, а...

— А зачем пробегали? — удивился я.

— Внимания много, вот и бегал.

— А где вы еще были?

— Да всю вашу Солнечную систему облазил. На Венере вот проторчал долго.

— И как там?

— Жарко. Озера серы и свинца. Дождь кислотный, облез весь.

— А на Марсе жизнь есть?

— Миллиард лет назад была, да все высохло. Может, под корой что осталось, но я не ковырялся.

— А еще где были?

— На Неяде.

— Что это такое?

— [Девятая планета](#) вашей системы.

— Девятая планета — Плутон, — возразил я.

— Да ну, мальчик, — усмехнулся дядя Боря, — на его орбите таких «планет» куча. Нет, я о *настоящей* планете, она крутится по большой эллиптической орбите и больше Земли.

— Так она наверняка холодная.

— Ну да. Но подо льдом есть жизнь. Она старше вашей Солнечной системы, сформировалась шесть миллиардов лет назад, долго путешествовала, потом ваша звезда ее притянула. Там интересно и разнообразно, не то, что ваша жизнь на четырех элементах и одной ДНК на всех. Посмотрели бы ваши ученые, может избавились от углеродного шовинизма. Хотя уверен, что не найдете, на ней наша база; если что, сменим орбиту. А ваши ученые решат, что ошиблись в расчетах.

Мы еще долго болтали с дядей Борей. Раньше он работал в космической области, потому что иначе не объяснить его обширные знания в космологии и астрофизике. При всей фантастичности его слов было интересно услышать альтернативные теории о строении Вселенной.

— Вселенная не одна, их много. Они постоянно рождаются и умирают, только увидеть это невозможно. Конкретно наша Вселенная бесконечна в пространстве, но конечна в объеме и когда-нибудь схлопнется.

Тут влез ехидный Костя:

— А правда, что вас раз в полгода кладут в психушку?

— Правда. Только не «кладут», а я сам ложусь. Психбольница — режимное учреждение со строгой охраной, идеальное место для секретной связи.

— Связи с чем?

— Ни «с чем», а «с кем». Мои соплеменники ждут от меня информации. У меня там система космической связи.

— Почему именно в психушке?

— Потому что там есть криогенное отделение и вообще закрытое учреждение. Главврач в курсе. Неделью-две хватает, чтобы настроить оборудование и послать собранную информацию. Опять же справка о психической несостоятельности полезна, милиция не лезет, статью о тунеядстве не шьет. Если что сболтну лишнего, в органы не тащат, потому что справка имеется. Инвалидность дали, получаю пособие от вашего государства, хозяйку содержу.

С кухни пришла «хозяйка» — потрепанная жизнью женщина неопределенного возраста, принесла чай с печеньем и ушла. Мы попили чайку, поспорили о черных дырах, возрасте Вселенной, инопланетной жизни и прочих животрепещущих темах того времени. Косте было скучно, он поглядывал на спирт и, кажется, даже выпил немного. Потом с кухни опять пришла хозяйка и бесцеремонно выпроводила нас, так как мужу надо принимать препараты.

Дядя Боря был психически больной человек. Хотя может притворялся. Были слухи, что он работал на оборонку и съехал с катушек. Или не хотел участвовать в «звездных» войнах. Выхода у него было два: за границу или в тюрьму. Он выбрал третий путь: притвориться дураком, чтобы его списали. Так это или нет, он был еще долго местной достопримечательностью, пока не умер от цирроза печени.

Женский роман

После отбоя жизнь в лагере только начинается. Мальчишки ходили к девочкам в палату. А перед сном рассказывали анекдоты или занимательные истории. Тут я был вне конкуренции, поскольку помнил массу сказок, фантастических рассказов и фильмов. В моих историях доблестные космонавты воевали с инопланетными чудовищами, освобождали галактики

от злобной власти темных злодеев и прочее в таком духе. Главное, больше «экшена». Так что две палаты мальчишек перевозили меня вместе с кроватью туда-сюда наперебой.

Как-то, когда мне было 13 лет, девочки попросили рассказать им что-нибудь. Я сел на пустую кровать, завернулся в покрывало и начал фантастическую историю. Я сочинял их на ходу, компилируя куски из прочитанных сказок, романов, фильмов.

— В будущем астрономы поймали сигнал от далекой звездной системы, — начал я. — Советские ученые расшифровали его, это оказался зов о помощи. На ихней планете роботы захватили власть и поработили людей. Наша партия и правительство решили послать спасательную экспедицию. Поскольку лететь десять лет, выбрали трех школьников. Главным был тринадцатилетний математик Артур.

— А у него была девушка? — спросила Катя с дальней кровати.

— Не знаю, — ответил я, — разве это важно?

— Да ты что! Это самое главное в романе!

— Гм. Ну... да, у него была девушка Света.

— А почему она не полетела с ним?

— У нее не было подходящей специальности, а место на корабле ограничено.

— А он ее любил? — спросила Наташа с кровати напротив.

— Да, очень. Она вышила ему кобуру под бластер, чтобы он ее вспоминал, когда будет поджаривать врагов.

— И что, на корабле не было ни единой девушки?! — удивилась Катя, — а если в полете они захотят завести семью?

— Была девушка Люда, — скорректировал я историю, — космобиолог.

— Красивая?

— Да, с длинными черными волосами.

— А во что она была одета?

— Ну... У нее был серебристый костюм.

— А туфли были?

— Были, тоже серебристые.

— А...

— А заковка у нее была из белой платины. И два белых браслета, она ими растениями управляла.

— Вся белая, а волосы черные.

— Костюм мог менять цвет и фактуру. Когда они улетали, она была в черном бальном платье, вышитом золотом и украшенное рубинами. Каждый с кулак.

— О! — улыбнулась довольная Катя, — такая сразу понравится парню.

— Но ее сразу положили в анабиоз, потому что в полете ей делать нечего. А Артур спать не мог, потому что управлял кораблем. С утра до ночи он вычислял курс и закладывал перфокарты в машину.

— Десять лет в одиночестве? — ахнула Катя.

— Но он разговаривал со Светой по радио. Первый год, пока связь добивала. А потом слушал записи. И у него были ее дневники.

— Но он вернется через двадцать лет, она замуж уже выйдет, — заметила практичная Наташа.

— Что-нибудь придумаю, — уверил я. — Когда они вышли на орбиту захваченной планеты, Артур всех разбудил. Ему было 23 года, а остальные добавили всего пару лет. И он был седой.

— Почему?

— Корабль наткнулся на черную дыру, и роботов перекосило искажением пространства. Артуру пришлось самому лопатой бросать антивещество в топку звездолета. А когда лопата сгорела, голыми руками. Он сильно облучился. Это была жертва ради товарищей. Зато видел теперь в темноте без фонарика, потому светился сам.

— Ну, седой даже красиво. А Люда ему понравилась?

— Конечно. Она нравилась всем, кругом же никого, кроме роботов. Но он был верен Свете.

— И она молчала?

— Она хотела сказать, но посчитала лишним, потому что это отвлекло от спасения людей.

— Ну и глупая, — заметила Наташа, — любовь никогда не бывает лишней. Я бы сумела обратить на себя внимание, а дневники Светы выбросила в топку.

— Жестокая ты, Наташа, — заметила Катя, — у них любовь.

— В любви каждый за себя.

Моя история переделывалась прямо на ходу.

— Космонавты сели на планету, — продолжил я, — но коварные роботы их захватили. Всех бросили в подземелье и поставили охрану. Но Люда знала о растениях все. Она нашла в темнице специальные грибы. Артур гладил их радиоактивными руками и давал им свет, они выросли и проломали стены. Путешественники вышли на свободу, нашли поработанных людей и подняли восстание против машин. Но главный мозг захватил Люду. Артур

перепрограммировал охранные системы и прорвался в главную цитадель. Но он не успел спасти девушку, она уже умерла.

— От чего?! — воскликнула Света.

— От голода. У роботов нет сливочного масла, а машинное несъедобно. А

больше там никакой органики, только кремний и резина.

— Так нельзя! — Катя даже поднялась на кровати. — Она же главный герой!

— Главный Артур, — возразил я.

— Главное любовь! Кто его тогда полюбит?

— Так на Земле осталась Света.

— Пока он вернется, ей будет тридцать три года.

— Это Артуру будет 33. А на Земле пройдет сто лет из-за субсветовых скоростей. К тому же ему недолго осталось жить из-за лейкемии. Она его не дождется.

— Ужас. Плохой роман, — вынесла вердикт Наташа.

— Ага, — добавила Света, — я согласна подождать немного, но должна быть уверена, что он вернется.

— А если не уверена, то дожидаться не будешь? — поддела ее Катя.

— А зачем мне мертвый герой? — резонно ответила Света. — Портрет в рамочку поставлю и на могилку буду ходить иногда. А замуж выйду за живого.

Я задумался.

— Люда умерла, но успела перенести свое сознание в главный электронный мозг. Теперь людьми управляла не машина, а человек. Они сразу уничтожили частную собственность и освободили рабочих и крестьян. Перед отлетом Артур подключил телевизор к машине и в последний раз увидел девушку. Она плакала. И просила передать Свете, что жизнь должна продолжаться, несмотря ни на что. Она запрограммировала машину корабля на обратный полет и велела Артуру лечь в анабиоз. Когда он прилетел на Землю, там уже был коммунизм. Его встречали, как героя. И в первых рядах стояла его любимая Света.

— Стояла с палочкой? — удивилась Наташа. — Ты же сказал, что прошло сто лет.

— Нет, она была молодая и красивая. Света так любила Артура, что, когда он прекратил с ней разговаривать по радио, она легла в морозилку. И

приказала разбудить, когда прилетит ее герой. Его сразу спасли, медицина будущего сможет вылечить даже смерть. Они нежно обнялись и жили долго и счастливо. И их дети потом отправились на ту планету и вернули Люде тело, тогда уже появились такие технологии. И летать стали быстрее. Она вернулась на Землю и встретилась с семьей Артура. Он еще не умер, потому что в будущем люди будут

жить сотни лет.

— Спасибо, — сказала Света, — хороший роман. Только надо было любви больше, а машин меньше.

Я согласился. И когда позже рассказывал историю для девочек другой палаты, оставил в ней только любовные отношения героев. Без всяких будущих технологий.

Женский роман вечен!

Лучший рисунок за мир

Мальчик нейтронную бомбу нашел,
С нею мальчонка в школу пришел.
Долго смеялась потом ГОРОНО:
Школа стоит, а в ней — никого!
Детская страшилка

Про идеологическое воспитание детей в лагере никогда не забывали. Одно из мероприятий в этом процессе — конкурс рисунков-плакатов на асфальте.

Асфальта в лагере не было, поэтому рисовали на бетонных плитках вокруг штаба. Выбирали по одному исполнителю от отряда, давали час и коробку цветных мелков. После чего комиссия оценивала наш креатив.

Фантазию не ограничивали, но о политике тогда знали мало, в основном по газетам и журналам. Поэтому рисовали «Солнечный круг, дети вокруг», себя, цветы. Лозунги «Нет войне», «Миру — мир!», «Свобода, равенство, братство». Типично руки, охватывающие земной шар, ломающие оружие, или рукопожатия разных рас. Короче, что-то жизнеутверждающее, что русские войны не хотят, но кто к нам с мечом, получит по башке ракетой.

Однажды в 16 лет я принял участие в конкурсе «Миру — мир!». Была жара, нормальные пионеры предпочитали прятаться в тени или купаться, один я возился с отрядной газетой. Поэтому выбор упал на меня, хотя рисовать я не умел. Но это же не рисунок, а политический плакат, так что самоуверенно согласился.

Пыхтел час, отхватил площадь метр на два, несколько мелков искрошил в труху. Потрудился на полную катушку. Отошел в сторону, довольно потираю руки от мела, осматриваю шедевр. Снисходительно кохусь на соседские несерьезные цветочки под солнцем. Не, у меня все по-взрослому, политически грамотно, есть чем гордиться.

Подходит комиссия — Чанцова Т.П., директор лагеря, главная пионервожатая и еще какой-то мужчина. Долго осматривают мой рисунок в недоумении. Наконец, вожатая спрашивает:

— Что это, Олег?

— Разве не понятно? — отвечаю. — «Нет атомной войне», печатным текстом же написал!

«Солнечный круг, дети вокруг». Из архива лагеря

— Текст мы разобрали, — миролюбиво замечает Татьяна Павловна. — А вот остальное...

— Очень даже понятно. Вот здесь, — встаю на желтый контур, — кобальтовая оболочка. Белым — тритий. В центре черным ядро плутония. По кругу над ним зеленым — заряд обычной взрывчатки. Вот тут, синим — полоний, источник нейтронов...

— Так, — прервала меня вожатая, — а если коротко?

— Разве не о-че-вид-но, — по слогам, как детям, продекламировал я. — Это разрез нейтронной бомбы. Точнее, кобальтовой, но...

— Чего?! — поперхнулся мужчина.

— Водородной бомбы для радиоактивного заражения. Советский Союз решительно осуждает...

Мужик схватился за голову:

— Откуда эта схема?!

— Из учебника.

— Какого б... учебника?!

— Ну... — я наконец ощутил, что сделал что-то не то. — Квантовая физика для вузов.

— Тебе такое разрешают?!

— А я в читальном зале читал. Мне туда уже можно...

Мужчина отозвал женщин в сторону и что-то им сказал. Вожатая быстро побежала в сторону штаба. Остальные вернулись ко мне.

— Мы решили, что твой чертеж... то есть плакат, *победил* в конкурсе, — сказал глава комиссии. — За это твой отряд награждается килограммом конфет, а ты лично — грамотой. Мы считаем, что ты очень графично выразил антивоенные настроения советского народа. — Вожатая вернулась с тряпкой и ведром воды. — Но Пентагон не спит и видит, как украсть наши секреты. Даже сейчас над нами летают шпионские спутники, — он указал пальцем в небо. — Так что ты как можно быстрее сотри схему, договорились?

Примерно такой рисунок

Я пожал плечами, намочил тряпку и начал стирать рисунок. Мне было непонятно, с чего такая паника. Принципиальная схема атомной бомбы опубликована даже в школьном учебнике. И хотя нам на политинформации объясняли, что негуманная нейтронная бомба — очередной виток в гонке вооружений, никто не понял, что это такое. Если уж протестовать, то зная, против чего...

Слухи

Словно мухи, тут и там,
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам.

В. С. Высоцкий

Слухи есть в любой стране. Но в тоталитарном государстве они особенные, потому что считаются источником не цензурированной информации. Но почему-то, вспоминая их, невольно появляется улыбка 😊.

Среди пацанов была популярна игра на номера проезжающих машин. Договаривались суммировать две последних цифры номера авто. У кого больше, тот и выиграл. Но если мимо проезжала черная «Волга», правилами предписывалось прятаться. Потому что в нее заманивают конфетами детей, после чего они исчезают. Не конфеты, дети. И что такие авто никогда не

останавливаются. Если попадешь под колеса, они поедут дальше, только из окошка вылетит жетон с надписью: «Похоронить за счет государства». Слышал, что девочки тоже боялись черных «Волг», хотя у них была другая игра: они гадали на номера.

Кто-то из старшекласников бегал по школе с фотоаппаратом. Щелкал девчонок и кричал: «Красная пленка!». Девочки визжали, закрывалась руками и убегали. Байка сообщала, что у фотографа специальная «красная пленка», на которой все получают обнаженными 😊.

Вариант детских страшилок «черная рука», «красные шторы». Слышал историю в раннем детстве, когда у нас были плохие отношения с Китаем. Но товары китайские были, особенно ценились большие разрисованные полотенца, их даже на стену вешали вместо ковров. И вот одна женщина повесила такой «ковер» в спальне. Ночью ее дочь услышала страшный крик, прибежала, а мать уже умерла. Приехала милиция, ничего не нашли. И только один опытный милиционер догадался выключить свет. И на ковре проступила картина Мао Цзэдуна, лежащего в гробу, написанная фосфорными красками.

Жвачка в моем детстве была культовым предметом. Но ее не было. Жевали все подряд — гудрон, смолу сосен, зубную пасту. А если доставали настоящий товар, жевали всем классом. Учителя с этим боролись. Говорили, что западная жвачка отравлена, в ней может быть проволока, или яд. А в конфетах — стекло или сифилисом заражены. Так империалисты мстят советской стране.

В бочке с квасом обязательно естьдохлая крыса. Она на заводе туда попала и очоурилась. В колбасе стабильно находят крысиные хвостики и кости от мышей, потому что на мясокомбинате не соблюдают гигиену. В начале смены даже включают самую большую мясорубку на холостой ход, чтобы перемолоть всех крыс и мышей, что туда залезли за ночь. И потом не

промывают — зачем? — тоже мясо. В автоматах для газировки негры моют члены с сифилисом.

Что в пирожке с рынка нашли человеческий ноготь — вообще классика. Менялись только виновники — евреи, цыгане, «страшная приезжая бабка» и прочее. Целые цехи якобы на окраине города работали, куда заманивали детей для переработки на колбасу. А кровь сливали и продавали на лекарства.

Леденцов в продаже тогда не было. Но петушками на палочке торговали на рынке цыгане или бабушки. Учителя говорили, что покупать их нельзя, потому что цыгане их облизывают, чтобы блестели. А зеленый петушок, потому что они его соплями обмазывают. А красный... — вы сами догадались, прочитав предыдущий слух 😊.

Против джинсов целая компания велась. Ходила инструктор из ГОРОНО и объясняла, что рабочие штаны американских пастухов не нужны. Они, мол, специально такие узкие шьют, что у парней «сгорают» яички и импотенция случается. А у девушек — бесплодие, потому что джинсы что-то там стягивают в тазу. А еще в джинсах водятся вши, и они вызывают дерматит.

Против женского белья и купальников другой слух. Зайдешь в ярком импортном купальнике в море, выйдешь — а он прозрачный.

В студенчестве и армии был популярен анекдот, что солдат кинул сапог в пульт управления ракетами и Америки не стало. А в детстве я слышал, что у Рейгана есть с собой красная кнопка. Если он нажмет, то ракеты прилетят к нам за семь минут. Все из-за того, что у нас стратегический завод.

Если собрать литр ртути (например, купить много градусников), то можно сделать антенну, которая будет ловить весь эфир. Но ее быстро найдут, потому что она глушит секретные передачи.

На самом деле заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, не расстреливают, а отправляют на урановые рудники, где они за год-два умирают от радиации.

Комаров убивать не надо, лучше собирать. За них в аптеке платят. Только нужны комары, что уже крови выпили и не менее килограмма.

Врачи — сволочи и гады. Так и норовят у детей кровь слить, руки-ноги отрезать, лекарства неправильные прописывают.

Были популярны эротические загадки, якобы из журнала «Мурзилка»: «У какого молодца часто капает с конца?», «Туда-сюда обратно — тебе и мне приятно!» «Ты сожми его немножко, станет твердый, как картошка», «Мы ребята удалые, лезем в щели половые».

Японцы — хитрые вредители. То покупают станки у нас, сразу на металлолом, а упаковку из ценного дерева — на мебель (или телевизоры, слышал еще — посуду). То предлагают в Кузбассе фильтры на трубы поставить, только сажу себе забрать. Но бдительный директор не согласился, они из сажи порох делают против СССР.

В канализации водятся крокодилы-мутанты. Якобы кто-то купил яйцо за границей и вырастил аллигатора в ванной. А когда стал большим, спустил в канализацию. Так что в трубу или унитаз руку засовывать совсем нельзя — откусит по локоть!

Конский возбудитель. Некие волшебные таблетки, вызывающие у девушек неукротимое половое желание.

Под Алтайским Тракторным Заводом расположен еще один, подземный. Там делают секретные танки, которые своим ходом по тоннелю едут ажно в Москву.

Стихотворение для подруги

Подруги в школе у меня не было. Но в пионерлагере я познакомился с Аллой Масловой и весь последующий год писал стихи. Сидел на русском языке около подоконника, смотрел в окно и строчил. Даже тетрадку ей подарил со своими опусами. Она ее не вернула и это хорошо: сейчас бы перечитывал и вздрагивал от стыда и ужаса. Не привожу здесь цитаты, чтобы и вы такое не испытали ☺.

Друзей у меня было немало. Недругов в классе не помню. Даже самый большой хулиган школы Толя Зайцев ко мне не приставал. Говорил, что «у своих не крысятничает». Хотя был один случай.

В шестом классе я принес на урок переливную открытку с задорно подмигивающей японкой. Это увидел Толя и отобрал ее. Я опешил и говорю: «Ты же говорил, что своих не трогаешь?» А он: «Для дела надо». Оказывается, товарищ был равнодушен к однокласснице. К сожалению, не сказал ее имя. И просил меня сочинить стихотворение для зазнобы. «Чтоб красиво про любовь». Он перепишет на открытку и подарит.

Я понял, что открытку мне не вернуть, а заводить врага в собственном классе не хотелось. Следующий урок я усиленно сочинял.

Красивая девчонка,
Тебя я замечаю,
Любви ты чемпионка,
Конкретно намекаю.

А если ты врубилась
Смотри по сторонам.
Любовь в нас пробудилась,
И будет счастье нам.

Хотя любовь не фетиш,
Я без нее засохну.
И если не ответишь,
То 100% сдохну.

В таком же духе страница. Про взгляд, пронзивший насквозь, про жизнь, что без тебя не мила, про любовь, что будоражит кровь. Еще со сложными словами, типа «фетиш», которое я слышал на уроке истории. Любая девушка, прочитав такое, должна была немедленно ~~вызывать~~ психиатрическую помощь ответить.

На следующем уроке Толя перенес мою галиматью на открытку и на перемене показал. Я ахнул: вкривь, вкось, неразборчиво, в каждой строчке десяток ошибок! Не считая моих. Но глянув на одухотворенное лицо товарища, благоразумно промолчал.

Хотя я не помню, чтобы Толя подружился с девочкой, думаю, открытку он послал. Просто девочка не разобрала, что ей прислали и от кого 😊.

Куриный суп

В одиннадцать лет я с мамой поехал на родину, в Белоруссию, в небольшую деревню Дроздино под Борисовым. Там жили тетя Катя и куча племянников.

В деревне мне понравилось: простор, поля, деревья, река — бегай — не хочу. Тем более меня, городского, не привлекали к работам по хозяйству, в

отличии от местных. А я еще капризничать начал: еда не нравится. Одна картошка, да овощи, где мясо? Дома я привык к маминому говяжьему супу.

Тетя Катя пояснила:

— Мяса в августе нет: прошлогоднее съели, а в этом году скотину еще не забивали. Если тебе хочется мясного, есть колбаса.

Я подумал, что колбаса такая, как в магазине, вареная непонятно из чего. Потом я распробовал свойскую рубленную колбасу, это было лучшее, что я ел до сих пор. Но в том момент я этого не знал.

— А в магазине? — спросил я.

— В местном нет, а в район ехать далеко. Да и деньги на это тратить... Если тебе так уж хочется, поймай курицу, сварю суп.

Я обрадовался: курятину я любил.

— Какую?

— Да любую, вон сколько их по двору бегает. Я еще их не кормила, легче потрошить. Поймай, рубани топором, ощипай и освежуй.

— Рубать... чего? — не понял я.

— Голову, конечно. Кинь в ведро, пусть кровь стечет. Помой. Ошпарь, перья удали. Когда будешь потрошить, смотри кишки не повреди или желчный пузырь, сам потом есть не будешь.

Все это время я обалдело смотрел на хозяйку. Я видел только разделанные тушки в магазине и думал, что внутренности они теряют по дороге на прилавок.

Тетя Катя вздохнула:

— Ладно, поймай, забей и принеси, дальше я сама.

И она вернулась к работе по хозяйству.

Я долго гонялся за курицами, но они ловко от меня ускользали. Наконец я догадался зайти в курятник и схватить птицу. Но тетя Катя пощупала ее и забраковала:

— Это Пеструшка, скоро яйцо снесет. С насеста что ли взял? Поймай другую.

И отпустила курицу. Та возмущенно покудахтала и убежала в курятник. Я вздохнул и продолжил ловлю, у меня даже охотничий азарт пробудился. Наконец, я поймал какую-то белую и тощую — она хуже других бегала.

Подошел к колоде. Топор был с огромной ручкой, весил немало, одной рукой я не мог управиться. А другой надо было держать курицу. Скорее я по своей руке заехал бы, чем по шее птицы. Да и не хватало мне смелости убить живое существо.

На мое счастье, мимо пробежал племянник Мишка, лет десяти. Видя мои страдания, сказал:

— Давай, отрублю голову. — Он взял топор, который был чуть меньше его и бодро махнул. Я отскочил в сторону. — Не кони́, не твою. Только держи крепче.

Я прижал курицу к колоде и зажмурил от страха глаза. Хрясь! Мне на руки брызнуло что-то теплое. Открываю глаза — курица дергается без головы. Я испугался и отпустил ее. Птица свалилась с колоды и побежала! Я попытался ее схватить, но липкие от крови руки соскользнули. Животинка хаотично нарезала несколько петель по двору, потом забралась в яму под крыльцом, где обычно сидела собака, и затихла.

Ну шум вышла тетя Катя. Оценив обстановку, сказала, что курицу нужно вытаскивать немедленно, иначе она замарается и придется выбрасывать. Или до нее собака доберется. Мы с Мишкой попытались дотянуться, но без толку. Пришлось топором отковырять одну доску из крыльца.

Тетя Катя повертела грязную окровавленную тушку, покачала головой, но ничего не сказала. Велела принести ведро воды из колодца и нагреть. Я наполнил чугунок, поставил в печку и ушел на сеновал. Так умаялся, бедный, что сразу заснул.

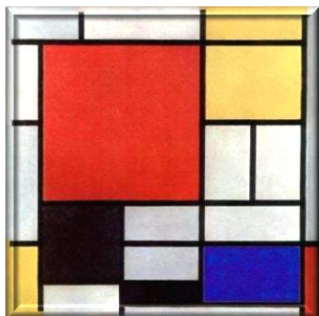
Через пару часов меня разбудили. Куриный суп был готов. Вспомнив бегающую по двору курицу с фонтанирующей кровью, я сначала не хотел есть. Но запах пробудил аппетит. Суп получился желтенький, с морковкой, луком и вермишелью. Курица была обалденно вкусна. Вся семья ела ее и нахваливала. Тогда Миша рассказал историю «охоты». Все стали смеяться, кроме дяди Коли, мужа тети Кати. Он похвалил меня за мужество и сказал, что завтра возьмет «бойца» на забой свиньи. Меня чуть не стошнило 😊.

Абстракционизм

Рисовать я не умел. Троек избегал, копируя чужие рисунки или перерисовывая что-то простое. Когда же тема ставилась жестко, например, фигуры на столе учителя, получал двойки.

Как-то я посмотрел передачу по телевизору об абстракционизме. Разумеется, в разрезе критики буржуазной действительности. Мол, капиталистический Запад загнивает и публикует изображения своего разложения. Линии, разноцветные треугольники и квадраты, которые любой школьник намалует (показывали образцы). В СССР есть отдельные последователи этого направления, но благодаря бдительности Союза Художников и направляющей их партии, до народа эта мазня не добирается.

Я из всей передачи уловил только «разноцветные квадраты» и «любой школьник».

На уроке рисования была свободная тема, т.е. малюй что хочешь. Я взял толстые плакатные фломастеры (других в продаже не было) и нарисовал несколько пересекающихся серых квадратов, обрамленных черными линиями. Так старался, что перепачкал руки и голову. А еще с другой стороны альбомного листа получился почти тот же рисунок: фломастерные чернила были

въедливыми. Круто! Назвал рисунок «Сквозь космос».

Учительница, посмотрев мое произведение с обеих сторон, обалдела:

— Что это такое?!

— Космос.

— Космос?! Где звезды, планеты?

— Это не космос вокруг нас, это пространство моей фантазии. Своей картиной я выразил противоречие между бесконечностью Вселенной и рамками, в которые мы себя загоняем. Мы все живем внутри таких квадратов, а надо из них выходить. Из плоскости в бесконечность. Сквозь космос.

— Ну это же ни в какие ворота не лезет!

— Почему, вполне себе абстракционизм.

— Где ты такое видел?!

— По телевизору.

Это был убойный аргумент, потому что тогда по телевизору абы что не показывали. Поэтому учительница сбавила обороты.

— Почему квадраты серые?

— У меня телевизор черно-белый. Был бы цветной, я бы разошелся! — И кивнул на оставшиеся фломастеры с ядовитыми цветами.

Она покачала головой:

— Ставлю тебе «4». Но с условием, что ты вырвешь этот лист из альбома. Только не вздумай в туалет отнести, это негигиенично! И больше такого не рисуй. А слово «абстракционизм» забудь, оно буржуазное.

Вот так я зарыл свой талант в землю. А если бы его развили, может сейчас был великим художником 😊.

Лыжный поход

В восьмом классе в нашей школе появился молодой преподаватель физкультуры, Николай Николаевич. Учитель в школе — профессия для мужчины непрестижная: работы и ответственности много, заработок маленький. Николай мастер спорта по лыжам, но спортивная карьера прервалась из-за травмы.

Когда тепло, физкультура проводится на улице. И зимой тоже, потому что есть лыжи. Тут новый физрук развернулся. Показывал коньковый ход, правильные тренировки, пластиковые лыжи, лыжные мази. Катались тогда или вокруг школы, или за рекой, в «забоке». Все это короткие дистанции, тренеру негде проявить себя. И он предложил лыжный поход на полтора суток с ночевкой: в субботу с раннего утра и до воскресного вечера. Километров 60. Вокруг города сплошные заснеженные поля, есть где покататься. И прогноз погоды хороший: -10° , солнечно, слабый ветер, без осадков. Всем, кто согласится, обещал пятерку по физкультуре.

Из трех классов набралось одиннадцать подростков: восемь парней и три девушки. Из нашего класса вызвался я и Борис. Опыта лыжных походов

не было ни у кого, включая физрука. Точнее, у физрука был, но не с подростками.

Подготовка продолжалась неделю. Палатки, спальники, термосы, еда, аптечки, посуда, фонари, свечи, топливо для розжига костра (дрова собирались найти на месте), ремнабор, смена белья — набралось больше центнера. По нормам на школьника нельзя нагружать больше 8 кг, так что пришлось убрать часть груза на сани. Все сшили себе бахилы из тонкого брезента, а девушки затянулись шальями поверх верхней одежды.

Провожали все учителя школы, как будто мы уходили на фронт, а не в увеселительную прогулку. Честь школы, торжество ЗОЖ и прочий пафос. Вот не лень им было выходить рано утром на работу в выходной день. Корреспондент газеты «Коммунистический призыв» даже хотела пойти с нами, чтобы осветить поход, но для нее не нашлось подходящих лыж. И это хорошо, как мы увидим из дальнейшего.

Итак, рано утром перешли через мост в центре города и углубились в снежную целину. Физрук шел первым с двумя парнями, прокладывали лыжню. Остальные телепались следом. Потом парни менялись, физрук оставался. Сзади один парень тянул сани, тоже со сменой. Кругом белым-бело, солнышко, умиротворение природы. Лепота! Небольшую тревогу вызывала погода: подул ветер со снегом.

Часа через три руководитель приказал остановиться на отдых. К этому времени поднялась метель, видимость упала. Пока ученики согревались чаем из термосов, он вытащил карту, чтобы сориентироваться. Долго что-то кумекал, пока лист не вырвало порывом ветра. Найти его в снежной мгле не представлялось возможным. Но Николай Николаевич сказал, что скоро будет [село Новосклиуха](#), и далее вдоль реки. Мол, все время надо идти на восток, не заблудимся. Вытащил компас, взял азимут и махнул рукой в белую мглу. Туристы стали роптать: погода ухудшается, заплутаем. Не лучше ли поставить палатки, переждать непогоду? На крайняк здесь и заночевать. Но физрук возразил, что тогда пикник получается, а не поход: отмахали всего-ничего 20 километров. Неспортивно. И вообще, трудности закаляют. Скомандовал подъем, и мы снова встали на лыжи.

Когда ветер забрасывает снег во все щели одежды, довольно неприятно. Сейчас есть хорошее снаряжение для лыжных походов, тогда же

у все были куртки и лыжные штаны, у некоторых вообще пальто. Все это плохо защищало от ветра. Еще и село все никак не показывалось, а ведь там мы хотели отдохнуть в клубе. Через час стало ясно, что мы идем ~~в ж...~~ куда-то не туда. Первыми начали роптать не девушки, а те, кто тащил сани: на полозья налипал снег и тащить их становилось все трудней. Кругом целина, снег свежий, прокладывать лыжню тяжело. Наверное, и выбор снаряжения сыграл роль: у нас были обычные, деревянные неширокие лыжи, которые сильно проваливались в снег. Другие тогда было не просто достать. Еще часа три мы прошли на остатках сил, наконец все свалились. Оценка «60 км на лыжах — это плевое дело» оказалась несостоятельна.

Ветер стих, но пошел густой снег, видимость упала почти до нуля. Не холодно, но мокро. Рядом лесополоса, где мы набрали хвороста. Ну как «набрали»: все занесло многометровым слоем снега, поэтому мы больше ломали сучья, чем их собирали. Гореть такое дерево отказывалось наотрез, даже залитое всем имеющимся розжигом. Проблема еще в том, что до земли метр снега, стенки получившейся ямы подтаивали и заливали костер. Но, слава богу, с этим справились.

Посидели, согрелись, подсушили одежду. Некоторые тут же и задремали. Физрук достал другую карту, она была не такая точная, как та, что унесло ветром. Тогда [крупномасштабные топографические карты](#) было не достать: они выдавались под роспись. А эта была мелкая, понять, где мы находимся, трудно: ориентиров мало. Как на пачке папирос «Беломорканал». Но наш «навигатор» не унывал. Главное — поход, а куда, какая разница? Выйдем на деревню, там спросим. Ветер утих, снега нет, вперед!

Вышли к крупной дороге, вдоль нее идти несложно. Деревень не видно, что странно: дороги ведь через населенные пункты прокладываются. Часа через три стало темнеть, надо было искать ночлег. Тут нам повезло: показался дом. Но как «дом», скорее сарай из досок для механизаторов, судя по бочкам с соляжкой и масляной ветоши. Физрук изрек: «Если есть сарай, значит, рядом деревня, скоро найдем» и собрался идти дальше. Но тут взмолились девушки, что пора ночевать, хотя времени семь вечера. Парни к ним присоединились.

Физрук вздохнул и согласился. Палатки поставили прямо внутри сарая, часть его досок пошла на костер, а ветошь и соляжка послужила

великолепной растопкой, хотя и чадила. Очень быстро все согрелись. Надо готовить еду, но было лень. Вскоре почти все уснули. Мы с Борисом и еще одним парнем лениво поковыряли тушенку, ~~сожженную~~ разогретую на костре (лень было искать консервный нож, кинули в костер неоткрытую банку, она взорвалась), и тоже прикорнули.

Проснулся я от девичьих визгов. Подпрыгнул, сорвал палатку (она не была поставлена, как надо, просто зацеплена за стены сарая). Кругом дым и вонь. Явно горит не то, что надо. Выскочили наружу, набрали снега, затушили огонь. Сгорели углы обеих палаток. Сарай остался целым, хотя покосился из-

за того, что половина стен ушла на растопку.

Вернулись, прилегли опять. Костер пришлось потушить, да и нечем было топить. До утра происшествий больше не было. Правда, из щелей дул жуткий сквозняк и все собрались в одну большую кучу,

Поначалу катались вокруг школы

укрывшись всем, что было. Шла ожесточенная борьба за центр. Не знаю, как никто ничего не отморозил.

Утром оказалось, что, поскольку все спали в одежде, она не просушилась, а наоборот, промокла. Кое-как поели, собрались в обратный путь. Подпаленные палатки бросили. Еще оказалось, что нет саней. То ли в снегу потеряли, то ли сгорели. Пришлось все перегружать в рюкзаки. Это было несложно, потому что большую часть еды бросили: зачем, если осталось несколько часов до дома?

Одежда стала колом на морозе. И дороги не было видно. Одна девушка сломала лыжу, свалившись в запорошенный обрыв, ей дали запасную. Следом парень сломал лыжу, ему собрали комплект из двух оставшихся целых. Но пересеченная местность продолжалась. Стало ясно, что надо выбираться, а то скоро останемся без средств передвижения.

У одного парня нашелся бинокль. Он залез на дерево в лесополосе, осмотрел окрестности и выдал, что в километре от нас шоссе. Сил резко прибавилось, за марш-бросок до дороги физрук мог всем совершенно спокойно поставить «пятерки».

Около шоссе нашлась крытая остановка автобуса. Мы туда набились, закрыв одну сторону всем, что осталось. Физрук агитировал продолжить поход: мол, до города километров 20, не более, махом проскочим, но его никто не слушал. Мы были голодными, промерзшими, закопченными, и сытыми походом по горло. На наше счастье, проезжал рейсовый автобус. Увидев такую толпу, хотел прошмыгнуть мимо. Но мы перегородили дорогу и взяли его штурмом. Физрук обозвал нас «слабаками», «нытиками» и пошел пешком. Наверное, он хотел на лыжах, но в суматохе его лыжи загрузили в автобус.

В городе еще долго расходились по домам: из-за ожеледи не работали троллейбусы, основной транспорт в то время.

Половина туристов не пришла в понедельник на уроки: омывались от копоти, грелись в ваннах, пили чай с малиновым вареньем и недобро вспоминали физрука.

Больше лыжных походов в нашей школе я не помню. А Николай Николаевич уволился через месяц. Наверное, нашел денежную работу, без подростков-нытиков ☺.

P.S. Сейчас говорят, лыжные походы возрождаются на всех уровнях. «Team-spirit», [ЗОЖ](#) и прочие веяния очень здоровой жизни. Теперь вперед пускают снегоход, идут по навигатору, газовые горелки, легкие теплые палатки, лыжи и снаряжение современное. Лепота. Хотя все равно почему-то считается, что физическая активность — это для школьников и студентов, а взрослые дяди и тети предпочитают «отдыхать» на корпоративах. И я их понимаю.

Разноцветные розы

Последняя история об отношениях Саши и Лолы. Почему — поймете, прочитав.

Как-то на день рождения Лолы Саша решил подарить розы. Дело было посреди лета, цветы можно купить, деньги дала мама. Но он хотел ее удивить

необычным цветом. От продавцов слышал, что дело простое: нужно поставить цветок в воду с краской.

Саша купил три белых розы, хотя они скорее были кремовыми. Предполагалось, что мы покрасим две белые в зеленый и синий цвет, букет будет красивым и необычным.

Развели синий и зеленый пищевой краситель в разных банках и поставили в них цветы. На практике все оказалось не так, как в теории. Назавтра роза, что стояла в «синей» банке, вместо окрашивания завяла. А вторая роза стала не зеленой, а какой-то, как сказал Саша, «серовато-малиновой в крапинку». Проблема в грязных красках, тогда хороших не было. А еще надо было добавить сахара для питания. Но тогда этого мы не знали. Я предложил добавить краски. Через несколько часов роза почернела и стала вянуть.

День рождения уже сейчас, нас приглашают на чай. Саша взял две розы: белую и черную и пошел на праздник. Розы Лоле понравились, только ее мама как-то странно смотрела на Сашу. Мол, цвет печальный. А главное, четное количество цветов дарят только на похороны.

Через несколько месяцев Саша сказал:

— Мрачное пророчество сбылось.

Я испугался:

— Лола умерла?!

— Хуже. Они уехали на родину, в Узбекистан. Там ей бабушка уже подобрала жениха

— Как это, ведь ей всего 14 лет? И что значит «подобрали жениха»? А желание девушки? А чувства?

— Все уже решено: Лола переедет в огромный дом жениха, он богатый, а через два года свадьба. Иншааллах.

Я не понял его фатализм. Наверное, не надо было дарить черные розы, да еще две.

Черный Физрук

Страшилки и вызовы всяких «паночек» было популярным развлечением в лагере того времени. Как-то с другом Сашей в 13 лет мы решили объединить эти занятия, напугав девочек. Для этого я придумал историю про Черного Физрука. Саша переоделся в черное, натянул куртку на голову и должен был спрятаться под окном палаты девочек. После моей фразы «Явись, Черный Физрук» он запрыгнул бы в окно и крикнул: «Где моя вожатая?»

В первый же день смены я пробрался в палату девочек часов в одиннадцать и предложил вызвать Черного Физрука. Они спросили, кто это, и я рассказал историю:

Много лет назад в этом лагере работал Физрук. Они собирались пожениться с вожатой. Но эту вожатую домогался главарь банды лесных маньяков, но она его отвергла. Тогда он подослал подручных, и те отрезали пилой голову Физруку. А всем сказали, что тот упал с турника. И прям на пилу. А голову выбросили в помойку. Его так и похоронили в черном спортивном костюме с пилой вместо головы. А пионервожатая вышла замуж за бандита. Была большая свадьба. В конце приглушили свет и ввезли огромный торт. Разрезали, и вдруг видят окровавленную голову. Гости закричали: «Кто это?!» А голова усмехнулась и сказала громовым голосом: «Я Черный Физрук». Свет совсем потух, и слышались крики. А когда пришли милиционеры, кругом валялись отрезанные головы. С тех пор Черный Физрук ходит по лагерям в поисках невесты. Сначала спрашивает: «Где вожатая?», потом режет головы. Мужскую голову он примеряет, а женскую целует.

Кто-то из девочек закричал: «Ужас! А вдруг мы его вызовем, а он на нас набросится?» Я ответил, что надо сразу включить свет и бросать в него красное. Девочки собрали предметы красного цвета. Я включил фонарик, направил себе на лицо и начал медленно произносить: «Черный Физрук!», «Мы знаем, где твоя невеста!», «Явись, Черный Физрук». Остальные повторяли эти фразы по три раза.

На последнем слове, как и договаривались, в окно заглянула голова и басом сказала: «Что тут? Где жохатая?!» Или что-то подобное, потому что слова потонули в визгах девчонок. Они кинули вещи в окно и выбежали из палаты.

Довольный, я отправился к Саше в палату и вижу, что он спит не раздевшись. Но кто тогда сказал фразу?!

Утром все прояснилось. Оказывается, мимо проходил директор лагеря. Он увидел свет фонарика и подошел к окну. Именно его девчонки закидали красными вещами.

На следующий день отряд отправился на спортплощадку. К нам подошел молодой человек в черном спортивном костюме и сказал: «Здравствуйте. Я ваш физрук». Девчонки взвизгнули и бросились врассыпную 😊.

Озорная песенка

Многие девочки вели песенник. Записывали туда не только песни, но и стихи, клеивали рисунки и иллюстрации. Мальчики это делали реже. Впрочем, лет до 14 у меня был песенник блатных песен. Типа «Суд»:

Передо мной стояла мать,
В груди с кинжалом умирала
Она смотрела на меня,
И вслух молитву причитала.

А на полу лежал отец,
Рукой моей он был убитый,
Тяжелый труп его лежал,
И жалкой кровью был облитый.

А шестилетняя сестра
В кроватке тихо умирала,
Она, как рыбка без воды,
Свой ротик нежно открывала.

Криминальная романтика короче.

В лагере устроили конкурс самодеятельности. Лучшие номера потом звучали на концерте с приглашенными взрослыми. Финал, так сказать. Я обычно ставил сценки, но они не проходили далее первого этапа, как неинтересные. И в 12 лет я решил, как все, что-нибудь спеть. Но не патриотическое, а «народное». Переворошил свой песенник, единственный песня, которая у которой имелся шанс пройти цензуру, была «на балконе №8»:

На балконе номер восемь — ой-ёй-ёй!
Мы сидели с другом Костей — тьфу ты грех какой!
Весело было нам — тумба-рира-рам!
Все делили пополам,
Правда? Ага!

Мы с балкона полетели — ой-ёй-ёй!
Попой барышню задели — тьфу ты грех какой!
Весело было нам — тумба-рира-рам!
Все делили пополам,
Правда? Ага!

Далее еще 5 куплетов, текст можно найти в интернете. Как у любой «народной» песни, слова могут различаться.

Показал вожатой. Она разрешила, но только чтобы я убрал «попу». Я заменил на «Локтем барышню задели — тьфу ты грех какой!» Пели мы ее с товарищем, его как раз звали Костя. Я пел «Правда?», а он как бы отвечал: «Ага». Аккомпанировал баянист, он на слух подбирал любую мелодию.

На конкурсе наша песня вызвала фурор. Не качеством исполнения, тут мы с Костей не блистали. Взбудоражил сам факт звучания дворовой песни. Может, и «Суд» можно теперь под гитару сварганить? Ага, разбежались. Это сейчас это называется «русский шансон», а тогда «блатная песня, воспевающая нравы уголовной среды», и звучала она в соответствующих местах. Это мне потом вожатая объяснила.

Так или иначе, в «финал» мы прошли. На выходные приехали родители, корреспондент из местной газеты «Боевой темп», заводское начальство,

общественные представители. Перед такой солидной аудиторией мы сильно волновались. Костя даже предлагал мне выступать одному. Но это невозможно, песня ведь на двоих.

Вышли на сцену, полный зал, в первом ряду взрослые в солидных костюмах. Начали петь. Аккомпанировали нам «духачи» — сборный духовой оркестр, прибывший из города. Проекторами подсвечивают, из-за кулис подбадривают.

Мы спели хорошо, вот только вместо исправленной строчки Костя спел оригинал, с «задницей». Я как услышал, поперхнулся и не продолжил. На удивление, никто в зале не заметил, мы спокойно закончили песню. Нам бурно аплодировали.

После концерта награждение. Поднялся сам председатель профкома завода, Геннадий Петрович. Вручил мне коробку конфет и тихо сказал: «Это вам на двоих с Костей. Ведь у вас все пополам, даже барышня?» И улыбнулся 😊.

Как я поставил мировой рекорд

Зимой на физкультуре мы становились на лыжи. Спортивный инвентарь хранился в подвале, рядом с раздевалкой.

К старту готовы! 11 школа, 1975 г

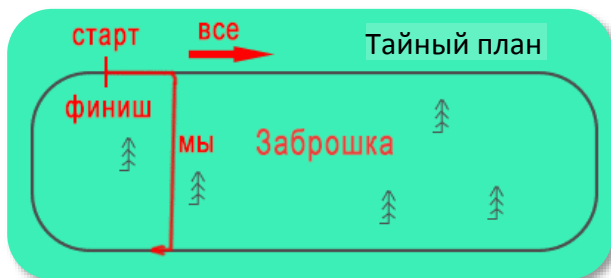
Переодевались, брали подходящие лыжи и отправлялись в «Заброшку» (заброшенный яблоневый сад на востоке Черемушек, сейчас там [Сквер Победы](#)), защищенный от ветра.

Спортивные результаты у меня средненькие. Были у нас рекордсмены, типа Жени Зарва, а были аутсайдеры, типа Саши Дивисилова, Вити Назарова, Саши Скворцова. В 5–6 классе у нас была дружная компания. Нам хотелось показать крутые достижения, перед девчонками покрасоваться, одноклассникам носы утереть. Для этого нужно

много тренироваться, а лень. И Саша Дивисилов, самый хитрый в нашей компании, предложил «срезать лыжную».

Идея простая. Трасса представляла собой овал метров 600 по большой стороне и метров по 100 по маленькой, в сумме полтора километра. Внутри — яблоневый сад; деревья высокие, обзор перекрывают. Можно не пробегать всю трассу, а где-то свернуть вправо (бегали по часовой стрелке), и срезав, вернуться на основной путь. По прикидкам, пробежать можно в три раза быстрее.

За день наша компания с помощью санок проложили секретный путь по снегу. Вход и выход засыпали снегом. Как обычно, работали мы с Назаром

(здесь и далее клички моих друзей, у меня была «Палькуша»), Дивисил руководил, а Скворец больше мешал.

Забег не массовый, а по одному, чтобы не толкались на трассе. Девочки и мальчики отдельно. Сначала самые быстрые, потом те, кто слабее. Мою компанию, как и рассчитывали, выпустили последними. Все уже пробежали, поэтому мы не могли с ними столкнуться.

Добежали до отмеченного куста, убедились, что физрук Фонякин Виктор Иванович не видит, сворачиваем вправо. И тут засада. Снег не слишком утоптали, да еще выпал накануне, лыжи проваливаются. Я впереди прокладываю лыжную, Витя Назаров почти не отстает, Скворцов Саша далеко сзади, а Саша Дивисилов вообще застрял. Это я потом понял, когда пришли на финиш.

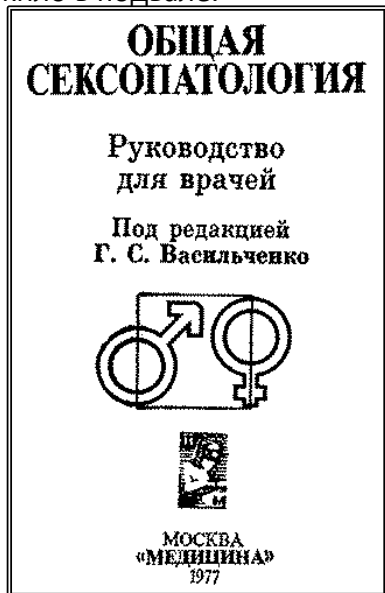
Виктор Иванович разглядывает секундомер, как будто видит его впервые. Снимает шапочку, утирает пот. Затем изрекает: «Поздравляю, Палько, новый мировой рекорд!». Следом Витя сдал на мастера спорта. Скворцов Саша показал первый разряд, а Сашу Дивисилова потеряли. Он потом в школу пришел пешком.

Физрук посмеялся и заставил сделать круг, потом приходил в школу. «Рекорды — дело хорошее, — заметил, — но физкультура важнее». Ну и конечно, влепил всем по двойке.

Так что рекорд официально не зачли 😊.

Многие знания — многие печали

Стенгазеты тогда делали часто, меня привлекали для написания статей. Строго под надзором учителей: как-никак, СМИ того времени. Чаще всего писали об учебе. Но затрагивались и тема любви. К партии, родителям, природе. Вдруг в седьмом классе стали разрешать «про дружбу и любовь». В духе «поцелуй без любви не отдавать», «возможна ли дружба между парнем и девушкой?», «любовь еще рано» и прочая лабуда, которую педагоги почему-то называют «половым воспитанием». Кроме того, контроль над содержанием ослаб, да и мало кому было интересно разбирать каракули: подчерк у меня был ужасным. Стенгазета свалилась на меня. С оформлением помогала Гуркина Наташа, а статьи я переписывал из журналов: «Здоровье», «Работница», «Юный техник», «Смена», «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Знание — сила», «Крестьянка» и прочих. У меня их было много, с полсотни кило в подвале.

Однажды после уроков мы делали очередную стенгазету, и Наташа достала меня совершенно. То не так, это. А может, просто мне надоело делать бессмысленную работу. Психанул, чуть газету не порвал. Она испугалась и отстала от меня. Но я не успокоился и решил написать что-нибудь этакое, чтобы всех удивить. Вот назло! Все равно газету никто не читает.

У меня был доступ в читальный зал городской библиотеки. Там в картотеке я раскопал учебник [«Сексопатологии» Г. Васильченко](#). Мне не хотели давать, но я сказал, уже учусь на хирурга. Даже рецепт на книгу (!) показал — бланк хирурга Неделькина Е.С. Мы тогда в самом деле ходили на операции с Сашей

Смолиным. И книги в домашней библиотеке хирурга я видел страшнее, типа атласа судебной медицины.

Учебник я получил на короткий срок, мало что понял. Слово «секс» вообще в первый раз в жизни увидел. Выписал, что успел и скомпилировал несколько статей, не помню даже названий. Что-то про правильный оргазм, эрогенные зоны, гигиену и прочее. Сексопатология меня не интересовала. Да и секс тоже. Просто сделал реферат наиболее затронутых тем, даже не разбираясь, о чем они.

Газета провисела неделю, не привлекая внимания. А потом кто-то из учителей присмотрелся и ее сняли.

После уроков меня вызвали к завучу, Любовь Петровне. Не в первый раз, мне уже прилетало за несанкционированную химию. Перед ней лежали вырезанные статьи. Ее очень интересовало, зачем я придумал «сей ужас». Я честно ответил, что это рефераты вузовского учебника. И школьникам нужно знать не только духовную составляющую любви, но и физическую, то есть секс, а то ведь могут не то и не туда. После слова «секс» завуч поперхнулась и налила воды. После чего сказала, чтобы я «засунул эту пошлость в..., потому что это не химия, только для взрослых». Ага, информация о том, как делать взрывчатку из удобрений (она у меня была), ей не казалась опасной, а сведения о гармоничном сексе приводили в ужас.

Спросила, применял ли я полученные знания на практике. Я удивился, ведь у меня нет лаборатории, какая практика?! Вот, например, кабинет химии мне не дают для опытов, приходится взрывать на улице. С последствиями для окружающих. Для секса тем более нужно выделять отдельное оборудованное помещение, ведь им невозможно заниматься в одиночку. В книжке были рисунки: кушетки, кресла с крепежами для ног, веревки, цепи, плети и шкафы с перчатками, масками и какими-то флаконами. Я могу руководить опытами, с теорией у меня всегда было хорошо.

Но Любовь Петровна уже не слушала: она допила графин воды и отправилась его наполнить. Вернувшись, велела привести мать.

Вы не думайте, что я ненавидел учителей, завучей, директоров и сживал их со свету. Т.е. да, создавал им массу проблем, но не со зла. Я был слишком увлечен своей любознательностью и не замечал, что она частенько разрушительна. Я хорошо разбирался в науках, но очень плохо — в людях. Кому-то стоило преподавать мне несколько уроков психологии. А главное, объяснить, что умение разбираться в

жизни часто важнее формальных знаний в любой области. И что знания должны служить людям, а не наоборот.

Мама удивилась, что вызвали ее, обычно требовался отец. Вернувшись с «разборок», сказала, что не знает, плакать или смеяться. Кроме завуча, собрались учителя. Полный кабинет. Они выдавали перлы а-ля «мужчина должен думать о родине, партии, а не о сексе», «девушки должны рожать после окончания школы, а мы, учителя, им поможем», «нам этого разврата не надо, пусть им ГОРОНО занимается», «мы без *вашего* буржуазного секса детей вырастили». То есть «чтобы дети не делали, лишь бы детей не делали». При этом интересовались содержанием статей. Передавали друг другу, переписывали. Спрашивали, где достать книгу. Короче, взрослые педагоги не имели знаний в этой области, но хотели приобрести. Что красноречиво говорит о половом воспитании в то время.

Мама потребовала выбросить все журналы. Я с ней согласился, а то вся кладовка в подвале забилась, некуда ставить велосипед.

На этом история завершилась. Кстати, одноклассники ничего не узнали. Думаю, даже если прочитали бы статью, ничего не поняли. Всему свое время.

Больше сексология меня не интересовала. Опасная какая-то. Одноклассницы норовят избить, учителя в ужас приходят и требуют родителей в школу. Лабораторию для опытов не дают! Да и применить негде. А у меня руки всегда вперед головы шли.

Однажды я родственнице рассказал о безопасных днях, так она меня стала обходить за километр. Подруге доказывал гомологичность гениталий у обоих полов (она не верила), получил пощечину. Вот химия — другое дело, можно что-то взорвать или сжечь! 😊.

P.S. Гуркина Наташа после исчезновения газеты что-то заподозрила. Я не стал повторять ошибку с Таней Шишковой, т.е. скрыл правду. Сказал, что «похвалил США», учителям не понравилось. Все тогда знали, что с политикой в нашей стране обращаться надо осторожно и больше с расспросами она не приставала.

P₂S₂. В НГУ в 1981 году приезжий сексолог давал лекцию для парней. Было столько желающих, что сломали двери в 121 аудитории и с трудом уместились в Мальцевской. Более трехсот студентов, отличных физиков, химиков, математиков, имеющие доступ к любым книгам (советским), хотели получить элементарные сведения о сексе. Что красноречиво говорит о замалчивании этой темы в то время.

Литературный кружок

В конце седьмого класса я ходил в литературный кружок. На таких факультативах изучали классиков, прививая «литературный вкус». Учительница русского языка, Валентина Яковлевна, обещала научить писать серьезные произведения.

Кружок проходил после уроков в актовом зале, потому что все кабинеты заняты второй сменой. Начали мы с азов: какие произведения бывают, история, завязка-кульминация-развязка и прочее. Наконец, к пятому или шестому занятию старшеклассница Света (она была бойкой девушкой) не выдержала:

— Валентина Яковлевна, а когда мы будем *сочинять*?

— Сначала, Света, нужно изучить классику, — ответила учительница, — чтобы твои произведения не были слабыми и надуманными. Чтобы в них были детали, правда жизни.

— Я уже восемь классов изучаю русский язык и литературу и собираюсь на журфак, там еще буду пять лет все это зубрить. Деталей накопилось на трактор. Пора уже что-то собрать.

— Ну хорошо, Света, с чего бы ты хотела начать? Ведь у тебя нет жизненного опыта и литературной практики.

— Я посоветовалась с библиотекаршей, она сказала, что есть два жанра, в которых опыт неважен. Для мужской аудитории это приключения, а для женской — любовь. Если сюжет хороший, то на детали читатель не обратит внимания. Я решила написать о любви, там все прозрачно: на первой странице встречаются, полромана она его игнорирует, потом он ее ненавидит, и в конце женятся.

Руководитель кружка кашлянула, скрывая смущение и спросила:

— Вижу, Света, у тебя все продумано. Можешь на следующее занятие принести анонс?

— Что?

— Краткое изложение твоего рассказа. Или будет роман?

— Роман долго писать. Будет повесть.

На следующее занятие Света принесла листок:

— Десятиклассник Женя без памяти влюбился в восьмиклассницу Свету, но пока об этом не знает. Девушка всячески намекает ему об этом, но он

тупой эгоист. А еще хулиган и разгильдяй, его энергия не туда направлена. Героиня пытается вправить Жене мозги, но парень героически сопротивляется. Он даже считает ее своим врагом. После школы Света внезапно выходит замуж. И тут до Жени доходит, что все время был влюблен в одноклассницу и хватается за голову. Слезно просит прощения, валяется в ногах. Но уже поздно. Она другому отдана. Хотя... — Света достала еще одну страницу, — могут быть варианты, если он совершит для нее подвиг. Я тут накидала пару вариантов для второго тома, но еще не решила, куда его отправлю для исправления: на северный полюс или в космос.

— Не слишком глубоко, но для повести сойдет, — заметила В.Я., — только почему без хеппи-энда?

— Без чего?

— Счастливого конца. Я понимаю твою обиду... то есть героини на Женю. Но ты в самом деле хочешь, чтобы твоя читательница оказалась у разбитого корыта?

— Но я же не могу их поженить в школе.

— И не надо. Добавь какое-нибудь препятствие, например, соперницу. Красивую, но злую разлучницу. Из-за нее он нарушает дисциплину. И через преодоление ее козней соедини героев. Достаточно, чтобы они просто взялись за руки, остальное читатель додумает сам.

— Это правильно, — задумалась девушка. — Может, и впрямь есть соперница. Поэтому он и не замечает... Свету.

— Но я повторяю, тема мелкая. С такими вещами не становятся писателями.

— А разве «Анна Каренина» не женский роман? Там одна любовь!

Тут наш преподаватель стала бурно возражать: это классика, а не какое-то чтиво! Если разобраться, там вообще нет любви, только тщетные попытки суетливых людей избавиться от дискомфорта, попутно получив максимум выгоды. Но

«писательница» уже не слушала учительницу. Она села за парту и бережно спрятала опус в сумку.

Как я знаю, Света так и не дописала свой роман, видимо, в жизни появились более важные вещи. Интересно узнать, поступила ли она на журфак? Стала писательницей?

P.S. В 90-х годах, когда на наш рынок хлынула западная литература, женские романы покупались в огромном количестве, по килограмму за раз. Они издавались в мягких обложках малого формата, удобного для чтения в транспорте. И многие покупательницы сначала открывали последнюю страницу. Если там не было свадьбы, роман не читали ☺.

Война и мир

Можете с ходу назвать предмет, который изучается в *любом* классе? Математика? Нет, потому что в некоторых лицах математику изучают не каждый год. Русский язык будет ближе к ответу, но в советское время его не проходили в 9–10 классах. А вот литературу изучали с первого класса по последний. Причем именно *русскую*, другой тогда ученики не знали.

На каникулы давали список для чтения. Это правильно, если бы не три но: 1) весьма внушительный объем, десятки толстых книг; 2) далеко не все книги можно было достать; 3) чтение не проверялось. И это печально. Потому что, по моему мнению, чтение книг важнее любых мнений о них. Мы же заучивали одобренную критику, писали сочинения, часто даже не зная произведения.

Перед 10 классом в 7 школе нам задали прочитать «Войну и мир» Льва Толстого. Я уверен, что никто из учеников этого не сделал. Кроме большого объема, книги не было в городских библиотеках. В школьной всего три экземпляра. Я так и сказал учительнице, Прилепиной Людмиле Константиновне. И добавил, что читать нет смысла, потому что все равно

темы сочинений известны: «Народ и личность», «Пьер Безухов и его искания», тоже про Болконского, о патриотизме и реализме. И лучше писать так, как в учебнике, иначе пятерки не видать.

Учительница обиделась: получается, ее уроки не нужны, главное — прочитать учебник и вызубрить одобренное мнение о произведениях. Она оставила меня после урока вместе с Леной Хлебовой, чтобы поговорить на эту тему. Девушка собиралась в гуманитарный вуз, учительница видела в ней свое наследие.

Обе стали меня убеждать, что чтение классиков чрезвычайно важно. Я согласился, только что я могу понять у Толстого в «Анне Карениной» или «Войне и мире» в 16 лет? Еще этот «Идиот» Достоевский? Небось он сам в 14 лет такие романы не изучал? Многие произведения, которые нам дают в школе, требуют взрослого опыта. Иначе не понять, почему Анна Каренина бросилась под паровоз, или Раскольников зарубил старушку.

Мне сказали, что классика важна любому образованному человеку. Я опять согласился, только почему только *русская* классика? За десять лет в учебниках литературы не упомянуты О.Бальзак, В.Скотт, Стендаль, В.Гюго, Ч.Диккенс, да вообще никто из иностранных авторов. Мне ответили, что предмет называется «*русская литература*», а мировых классиков я могу прочесть самостоятельно, после школы. Я ответил, что и русских классиков могу прочесть потом, а в школе хотелось бы получить разностороннее образование. Мы же изучаем исключительно отечественных авторов; создается впечатление, что других просто нет. С чего бы у меня появится желание читать их после школы?

Кстати, насчет наших классиков. Нам внушают, что их знает любой образованный человек в мире. Но в рамках Клуба Интернациональной Дружбы мы общались со школьниками других стран. Даже в ГДР мало кто знает Толстого, Чехова, Пушкина, а в Англии вообще о них не слыхали. А мы не слыхали об их писателях. Вот такая интернациональная дружба.

Людмила Константиновна спросила, что я предлагаю. Я ответил, что прежде всего надо спрашивать знание книг. Вот у меня, к примеру, пятерка по литературе, но за все десять лет школы я прочитал от силы десятков книг по школьной программе! Просто они не интересны подросткам. Особенно XVIII-XX веков. Сплошная борьба классов, угнетение крестьян и рабочих, самодуры

помещики, невыносимость бытия, нравственные муки. У нас собачку утопить не могут, не пройдя через катарсис. Типично: «Сначала все было плохо. Потом стало ужасно. А теперь подробно об этом в паре томов». Вся русская литература просто помешана на нравственных муках: страдает либо автор, либо персонаж. Если ни то и ни другое, то страдалец — читатель. В русской литературе тема страданий раскрыта шедеврально. И я горд за нее! Но, блин, мне всего 15 лет, я жить хочу, а не биться в конвульсиях. Мне непонятны их муки, я до них не дорос. Вырасту — пойму. Сейчас же я не хочу углубляться в шизоидный мир психов нашей литературы, а то крыша поедет.

Мне непонятны и неинтересны страдания аристократов: буржуазии, помещиков, офицеров царской армии. Нам на уроках истории преподают, что это были эксплуататорские классы, враги. И вдруг я должен сочувствовать князю Болконскому, графу Безухову, царю Александру?! А если их дворянские переживания общечеловечны, за что их истребили после революции? Либо они были ненормальны, либо революция погорячилась, поставив их поголовно к стенке. Революция у нас святая, значит они злодеи. Если я им сочувствую, какой из меня комсомолец?

Вся литература XIX века вскрывает язвы российского общества. Нам внушают, как плохо жилось при царизме. Я это уже усвоил за 10 лет обучения (ага, обрадовался, впереди у меня было еще 5 лет истории КПСС, исторического материализма, научного коммунизма и прочей схоластики в вузе) не надо мне больше страданий угнетенного крестьянства и рабочих. Уже третье поколение живет при социализме, пролетариат — хозяин страны, может хватит меня убеждать в правильности выбранного пути?

Читая рекомендованные нам книги, большой шанс заработать депрессию! Ощущение, что мрак рассеялся только с приходом соцреализма.

При этом я читаю сотни книг в год. Часто макулатуру, но где достать хорошие книги? А главное, кто скажет о том, что они вообще существуют? Я хочу читать хорошую русскую литературу, но с жизнеутверждающим концом. Хоть иногда. А тут герои или бросаются под паровоз, или старушек рубят, или на войну сбегает от сытости. Цари сволочи, а разбойники, типа Пугачева — герои. Диссонанс между идеологией и литературой. Все заботятся о народе, а он столетиями в рабстве. Горе от ума и никакого луча в темном царстве.

Вот вы говорите, что беллетристику читать не нужно, это жвачка для ума. Но Дюма, Конан Дойль, Жюль Верн — это хоть какая-то возможность привить любовь к чтению. А программа дает нам произведения, которые нужно читать взрослым, в нашем возрасте это вызывает в лучшем случае отторжение, а чаще ненависть к классике.

В плане развития русского языка тоже промах, потому что язык тогда был другой, и сейчас писать так нельзя. Забавно было бы, если я написал на французском, как Лев Толстой. Или использовал типичные для его стиля предложения с абзац. Тогда не было ни кино, ни телевизора, даже книги читала только интеллигенция, проценты от населения Российской империи. И, если им было интересно читать про природу несколько листов, как у Толстого, мне нет, лучше «Вокруг света» посмотрю. Сейчас другой век, другая скорость усвоения информации. Чтение таких талмудов тормозит мышление нынешнего поколения.

Другие ученики вообще ничего не читали по программе. Но у большинства положительные оценки по предмету. Поэтому на уроке стоит задавать не сложные вопросы, типа о величии народа в романе «Война и мир», а простые, хотя бы «С кем танцевала Наташа Ростова на балу?» или еще проще: «Назовите главных героев романа». И я уверен, что мало кто из учеников ответит верно. Наше литературное образование похоже на небоскреб, построенный без фундамента, на голом песке. Мы не анализируем сами, верим в то, что в нас вкладывают. Сменится идеология — «классикой» станут другие произведения. Что, кстати, и случилось: исчез «классики» Островский, Шолохов, Фадеев. Появилась Ахматова, Цветаева, Булгаков, Пастернак, Солженицын. Нам говорят, что классику надо изучать всю жизнь, и школа дает только первую ступеньку в постижении великих произведений. Но она дает так, что после школы хочется их поскорее забыть.

Учительница возразила, что образованный человек старается сформировать собственное мировоззрение. Я ответил, что собственное мнение, отличное от общепринятого, наполняет душу гордостью, но изрядно портит жизнь в нашей стране. Если ты придерживаешься взглядов, отличных от марксистско-ленинских, держи их при себе. После этих слов Лена Хлебова странно на меня взглянула. Я и сам не понял, что сказал, но так мне говорил отец: «В нашей стране есть мнение, совпадающее с курсом партии и

неправильное. И, если хочешь, чтобы в твоей семье было все в порядке, неправильное мнение лучше не высказывать». Лена, видимо, подумала, что у меня есть собственное мнение, но я его скрываю. И хотела потом со мной поговорить. Но я ничего не понял, отказался. Потом жалел. Если она прочтет эти строки, может вспомнит, что позже я пытался с ней подружиться в университете, но мое отчисление помешало этим планам.

Много лет спустя, когда встречался с иностранцами, они восхищались русскими классиками (наверное, эти фразы были в их разговорниках), спрашивали, как я к ним отношусь, что читал. А я отвечал, что не читал, а «проходил». И мне было стыдно. А еще жалел, что вместо Верна, Дюма, Диккенса, Бальзака читал советских «классиков». Когда вырос и познакомился с мировой литературой, понял, что почти все советские «классики» — сплошная конъюнктура, если не сказать хуже.

Справедливости ради, в 10 классе Людмила Константиновна кратко дала нам обзор мировой классики. Но это было факультативно и галопом по Европе. Иначе было невозможно, иностранная литература тогда не входила в школьную программу.

Хорошо, что сейчас с младших классов изучают мировую литературу, а не только русскую. Впрочем, ситуация улучшилась ненамного. В наше время мы изучали хрестоматии XIX века, которые перекочевали в советскую школу почти без изменений с их набором классиков. Но вот интерпретация изменилась. В советской школе четко знали, «что хотел сказать автор» и отклонение от курса партии было чревато. Сейчас тоже самое, хотя идеологии вроде нет. Получается внушение штампов, у которых потерялось обоснование.

Еще мы учили много советских авторов. В наше время вдруг почти вся советская литература стала неактуальной. И это хорошо. Но младшие школьники теперь изучают древние тексты, в которых и доктора наук не все понимают. Далее почти тот же стандартный «канон», что и раньше. Уроки литературы продолжают вбивать в бедные головы школьников разрозненную кучу малопонятных произведений, вместо того чтобы дать им образ героя, на которого они могут ориентироваться в наше время.

Может я не прав? Смотрим в развитии. Если мое поколение хоть что-то читало, то нынешнее смотрит исключительно в экран. Еще пара поколений и

книга станет раритетом, и школьники разучатся читать что-то больше, чем рекламные слоганы.

Как ухнули деньги

Однажды нам, четверым мелким пацанам (я, Саша Дивисилов, Игорь Голубев, Олег Алексеев), ребята постарше дали большой желтый кусок селитры и объяснили, как его использовать. Когда они ушли, мы насыпали кучку прямо на стол во дворе. Мокрый комок отказывался поджигаться. А когда загорелось, встала противоположная проблема: как

потушить.

В конце концов потухло само по мере исчерпания вещества и в двухдюймовом брусе появилась дырка. Хорошо, что днем взрослые на работе, а бдительные старушки далеко. Но как замаскировать повреждение?

Стол использовался мужиками для игры в домино и карты, а женщинами — в лото, поэтому вандализм обнаружится очень быстро. Мы напихали в дырку газеты, а сверху покрасили — краска тогда вся была одного цвета, темно-красная, и ее запас имелся в подвале. Для маскировки заодно обновили стол и скамейки, сказав взрослым, что это поручение октябрятской «звездочки».

Нас похвалили, а через пару дней мужики сели играть в «шубу». Играет четверо, пару на пару и еще куча народу подбадривает своих, делает ставки. Деньги клали на стол, прижимая половинкой кирпича, чтобы не разлетелись. На выигранное закупали пиво трехлитровыми банками, так что ближе к вечеру все были навеселе. Ставки повышались, страсти накалялись.

Скопилась критическая масса и дырка не выдержала. Кирпич остался на столе, а деньги исчезли. Мужики решили, что ставки украли и бросились разбираться. Куча мала случилась небывалая, с матерками и потасовкой!

После того, как деньги ~~нашли под столом~~ растащили, обнаружили дырку в столе. Найти того, кто ее сделал, не составило труда. Кому надрали уши, кому всыпали ремня. Но без фанатизма.

Отверстие заделывать не стали, только зачистили края. В ней отлично умещалась трехлитровая банка с пивом. В качестве ставки. В самом деле: проще играть на пиво, все равно все деньги на него уходят ☹️.

Душа цыпленка

Мои родители белорусы, родом из деревни Дроздино, недалеко от города Борисов. Когда я был маленьким, мы часто туда ездили. Родственники с обеих сторон тепло нас встречали. Обычно мы селились у тети, а гостили у деда со стороны отца. Эта история случилась, когда мне было лет семь.

Мой дед был еще крепкий, вместе с бабушкой содержал небольшое хозяйство: кур, поросят, корову, лошадь. Но большая часть двора пустовала, поэтому мне было раздольно играть.

Как-то, возвращаясь с речки, палкой «рубил» бурьян на обочине дороги. Навстречу какая-то бабушка. Сделала замечание, что любая трава полезна. А еще она видела, как я стрелял из самострела по воробьям. И ловил ящериц и лягушек. «Они все живые божьи твари, и у них есть душа, — говорит, — и может человеческая, потому что после смерти наши души возвращаются в природу. И могут вселиться в лягушку или птицу. А ты, если будешь плохим, станешь мухой или тараканом».

Меня эта сентенция весьма впечатлила.

По двору бегали цыплята, что не нравилось деду. Он старался загнать их в сарай, чтобы не попались кошке или соколу.

Как-то утром я вышел во двор, смотрю, бежит цыпленок. Я поймал его и понес в сарай, к курице. Принес, а он не шевелится, видимо, крепко сжал. Я заплакал, принес деду. Тот сказал: «Цыплят по осени считают. Выкинь в навозную кучу за сараем». Но я возразил, что в нем была душа, может даже человеческая, как же можно просто так выбросить? Дед озадачился, даже библию вынес, полистал. И сказал, что ничего такого там нет. И чтобы не

слушал всяких сектантов. Но если я хочу, могу цыпленка похоронить. Вон за забором ромашки растут, самое место.

Я положил трупик в картонную коробку из-под соли, взял совок и перелез через плетень. На небольшом пригорке вырыл ямку, опустил туда «гробик» и засыпал землей. Сверху соорудил «памятник» из цветных осколков бутылок.

Вернулся, дед уже вытащил два стакана самогонки и черный хлеб. Один стакан пригубил, другой дал мне понюхать и накрыл хлебом. Хотел что-то сказать в память цыпленку, но тут вышла бабушка. Она отобрала у него остатки выпивки и хлеб. И сказала, что нечего аппетит перебивать, скоро будет обед с куриным супом.

Суп я съел с трудом. Если в курице может обитать человеческая душа, значит, это каннибализм?! Но потом успокоился: может, после смерти моя душа вселится в цыпленка?

Все наше

В 1970 году, когда мне было 7 лет, мы переехали в новую двухкомнатную квартиру на Черемушках, на улице Алтайская. Перебрались летом, и это хорошо, потому что сразу жить в этой квартире было невозможно: требовался ремонт. Не, разрухи не было, двери открывались-закрывались, пол, сантехника, окна и прочее было на месте. Но такого ужасного качества, что все более-менее рукастые мужики новоселье начинали с ремонта.

Для начала отец снял всю половую доску, потому что щели были такие, что мышь пролезала. А еще вкривь вкось, на разной высоте. В качестве помощника позвал дядю Петю. Когда доски сняли, оказалось, что большую часть поставить назад невозможно: они были плохо просушенные, кривые. Надо было искать новые. Половая доска тогда в теории продавалась, в реальности ее можно было найти только по блату или втридорога. Но вокруг продолжались строиться Черемушки, так что вскорости бойкие строители принесли нужное. За небольшие деньги. Я слышал разговор отца с продавцами, те клялись, что прораб сам сортирует товар: плохие доски на пол, хорошие — в продажу.

Начали класть доску, я немного помогал — таскал гвозди. Потом те же люди принесли чугунные батареи, и мы стали их присоединять.

Я спросил дядю Петю:

— А что, доски и батареи ворованные?

— Не, — ответил тот, — взятые у государства. — Ты же сам видишь, что нормальный стройматериал иначе не достать.

— Но все равно это воровство, — уперся я.

Дядя Петя оторвался от прикручивания батареи и спросил:

— Какой основной девиз коммунизма, к которому мы идем?

— От каждого по способностям, каждому по потребностям! — бойко отбарабанил я.

— Верно. Потребности любые?

— Конечно!

— А если у меня потребность взять пулемет и расстрелять весь дом?

— Ну... Так нельзя!

— Именно. Значит,

потребности не любые, а *разумные*. А кто определяет разумность? Партия. Через кодекс строителя коммуниста. А там написано, что потребность у нас одна: построение светлого общества во всем мире. А как его возведешь, если строители загнуться? Одна батарея на всю комнату в панельном доме, когда у нас бывает мороз за тридцать — кто так планировал? И потом, государство — это кто? Это мы! У нас все общее. Только плохо распределяется. Но есть хорошие люди, которые этот недостаток исправляют.

— Ну... — подумал я. — Если все

будут таскать, коммунизм не построить.

— Почему не «построить»? — удивился взрослый. — Начальство давно удовлетворило свои потребности, они уже при коммунизме живут. И если не дураки, не гоняют рабочих, кто за свою семью радеет.

— Так их мало же, а коммунизм должен быть для всех.

— Верно. — Дядя Петя закончил прилаживать батарею и начал разводить краску. — Он и будет для всех. В одной отдельно взятой стране, за железным занавесом, как нас учит партия. Пока внедряется в разных местах в качестве эксперимента. В трудовых лагерях. Строят железные дороги, предприятия. Каждый вкалывает по способностям, за этим надзиратели смотрят и получают по потребностям. Потребности там маленькие...

— Ты что мальцу рассказываешь? — вмешался в разговор отец. — Рано ему такое еще знать.

— Ну не знаю, — не согласился дядя Петя. — Будет думать лозунгами, хорошо не устроится. Всю жизнь будет по баракам маяться, как мы, здоровье положит на заводе...

— Хватит! — резко прервал отец. — Чтобы нормально жить, надо еще помалкивать. Вырастет, сам разберется.

— Да, разберется, — согласился дядя Петя, начиная красить батарею. — Главное, чтобы сам докумекал. А то, что написано в первой строке кодекса строителя коммунизма?

— Я не помню, — признался я.

— Там написано, что ты должен быть предан делу коммунизма, любить родину и страны социализма. Но главное первые слова: «Партия считает...». То есть твои нравственные принципы определяются не тобой, а партией. А это...

Отец отобрал кисти у дяди Пети и увел его на кухню обедать. Видимо не хотел, чтобы я слушал антисоветскую агитацию. Интересно тогда было: те, кто пытался думать своей головой, становились врагами советской родины. Именно родины и народа, а не партии.

Я думаю, социализм развалился потому, что мало кто хотел работать «на дядю». Сначала требовалось вытравить в людях индивидуализм, агрессию, конкуренцию. Что-то сделать с семьями, чтобы человек общество любил не менее, чем родных. После чего дать ему взамен этой любви не

менее сильную мотивацию. Кто не поймет или не воспримет, заставить работать насильно. И да: как ни крути, получится трудовой лагерь.

P.S. Я пошел в ученые в частности потому, что думал, что их не заставишь работать насильно. Это же умственный труд, не лопатой махать. Хорошо, что в детстве я не знал о «шарашках», в которых в военное время заставляли работать. Но и после была масса возможностей управлять «высоколобыми», например, распределением финансирования и доступом к публикациям. Глупо думать, что можно быть где-то свободным в несвободном государстве.

Бременские музыканты

Суперпопулярный мультфильм [«Бременские музыканты»](#) вышел в 1969

г., потом было продолжение [«По следам](#)

[бременских музыкантов»](#) в 1973 г.

Мультфильмы великолепные, особенно песни в исполнении Олега Анофриева. У меня вопросы к сюжету.

Для начала пойдем, где происходит действие. Название

[«Бремен»](#) говорит о Германии. Но

[трубадуры](#) были во Франции в XII-XIII века. В

Германии их звали [«миннезингеры»](#). Авторы добавили «трубадура» в сказку, а также пушки, пистолеты, электрогитары, микрофоны, автомобили, самолеты, бомбы, джинсы, короткие юбки и туфельки на высоком каблуке. И все же в центре дух Средневековья, см. картинку.

Итак, в средневековый замок приезжает труппа артистов во главе с Трубадуром. По тем временам нечто среднее между нищими и бандой разбойников. Почему-то им разрешают представление на дворцовой площади, сам король и принцесса смотрят его. Но Трубадур и его гоп-компания демонстрирует вопиющий непрофессионализм: пирамида падает прямо на балкон, свалив короля. Наш парень не промах, тут же целует принцессу. Очнувшийся король ~~рубит голову~~ выгоняет наглеца. Тот должен быть счастлив, что за покушения на царственную особу и обнимашки с принцессой его не четвертовали, а только выкинули.

Но наш герой не таков. Уверенный в том, что принцесса ответила ему взаимностью, электрогитарист придумывает коварный план, как втереться в доверие к ее папаше. Нарядившись разбойниками, его труп похищает короля и привязывает к дереву. Когда царственная особа изрядно наложила в штаны, Трубадур ее «освобождает». Мутная компания торжественно едет во дворец. Там принцесса радостно встречает менестреля-разбойника, который чуть не угробил ее единственного родителя (маму за две серии не покажут ни разу, все дела вершит отец). Бал, ночь, после чего труп уезжает, оставив лидера во дворце. В самом деле, чего можно пожелать большего в то время? Принцесса и полцарства в придачу. Но наш герой не таков. Ему «дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы». И он сбегает вместе с принцессой.

Ладно, пустоголового музыканта я еще могу понять: молодой, ветер в голове, жениться рано. Но каким местом думала принцесса? С какого пня она сбежала с парнем, который ее поцеловал один раз? Ее что, замуж насильно за старика отдавали или в башне свинцовой в качестве обеда для дракона откармливали? В конце концов, это ее обязанность стать королевой. Сбежала, кстати, босиком, в коротком платье и распущенными волосами. Полный абзац для принцессы, голышом было бы лучше.

Пара слов о разнице в воспитании и стиле жизни между Трубадуром и принцессой. Просто бездна. Достаточно сказать, что в XII-XIII вв, времени расцвета «трубадурства» во Франции, простолюдины и знать даже говорили на разных языках! Трубадур на провансальском, а принцесса на «языке короля», старофранцузском, и вряд ли поняла бы своего «бойфренда». О манерах и привычках даже заикаться не стоит.

Трубадур находится на нижней ступени социальной лестницы, после знати, духовенства, рыцарей, горожан, торговцев, крестьян. Даже нищие выше его. Вечно в дороге, одежду не меняет, от него смердеть должно за милю. Спит с животными вповалку, ест, что кинут зрители.

Кстати, а где он проводит зиму? В то время бродячие артисты старались получить работу у лордов, чтобы не замерзнуть или не умереть с голоду. Но наш Трубадур, как мы знаем, предпочитает свободу, крыша и теплый кров не для него. И не для его друзей, включая принцессу. Такого «любимого» можно

взять на пикник в качестве музыканта (но чтобы не подходил ближе длины алебарды), но жить с ним... Да вы с дуба рухнули!!!

То есть, забираясь на телегу Трубадура, принцесса должна была ясно отдавать себе отчет, что это билет в один конец. С этого момента она никакая не принцесса, а сожительница странствующего музыканта. Даже если эта развратная девка вернется прямо завтра, замуж ее ни один приличный лорд не возьмет. В сказках бывает, что крестьянский сын женится на принцессе, на то они и сказки. В реальности таких случаев не зафиксировано, разве что он станет лордом. Но наш Трубадур от этого отказался. Для него свобода важнее безопасности любимой. И *совсем невозможно*, чтобы принцесса отправилась шляться не с мужем, а сожителем, да будь он хоть трижды любимым! Позор, жуткий позор для знатной дамы! А если он передумает или его убьют (что вероятней всего), кем она будет? Кто ее защитит? Петух? Собака? Кот? Осел?

Ночевать теперь она будет под открытым небом, голодать, носить обноски. Антисанитария, чума, холера, оспа, беспрерывные войны — все прелести Средневековья. Выступать перед смердами, собирать брошенную еду (обычно менестрелям платили едой и постоем), все будут тыкать в нее пальцем: «Вот принцесса раньше была, а теперь нищенка, подачки собирает. А раньше королеву из себя строила, налоги повышала, детей наших на войну забирала. А давайте ее гнилой брюквой закидаем». Если же чудом избежит всех врагов, то или от чумы умрет, или от плохой еды (небось во дворце диетическими яйцами питалась?) или при родах (тогда умирали до четверти женщин, а ей придется рожать в жуткой антисанитарии). Об этом ли она мечтала, открывая рыцарские турниры?

О путешествиях. Да первый же торговец, крестьянин, не говоря уже о воине, увидев такую красавицу в руках нищего музыканта, просто отберет ее, даже не задумавшись. А Трубадура замочит совершенно законно, как похитителя принцессы, еще и мешок золота за это получит, потому что за поимку принцессы объявлена награда. Все искатели приключений устремятся в погоню за фургоном трупы. В таких условиях Трубадур, если не олигофрен, должен бросить любимую в первой же харчевне. Оттуда ей хоть будет шанс вернуться целой и невредимой во дворец. Шансов выехать из королевства живым у него никаких. А за пределами королевства он еще более желанная добыча и для врагов, и друзей.

Кстати, если даже Трубадур женится на девушке, дети, рожденные в таком браке, не наследуют ни званий, ни земель. Будет им рассказывать холодными ночами у костра, что они наследные принцы, но мама решила, что вольная жизнь важнее. Да детишки втихую задушат такую мамочку! К тому же принцесса ослабила королевство, отца, свой народ. Все из-за любви. Минимальная ответственность должна быть, не?

Об отце. Здесь отказывает и сказочная логика, и житейская. Отец должен любыми способами вернуть дочь и отдать в монастырь, а «любовничка» отдать на растерзание охотничьим псам, чтобы даже могилы не осталось. Я не кровожаден, просто в то время простолудинов казнили куда за меньшие преступления. А тут кража и лишение чести царственной особы! Впрочем, король здесь виноват не менее Трубадура: в отсутствии матери надо было окружить дочь фрейлинами, няньками, гувернантками, чтобы передали девушке элементарный жизненный опыт: любовь с первого взгляда трижды замечательно, но для совместной жизни этого мало. И нельзя срываться черт знает куда с парнем, которого знаешь несколько часов.

В диснеевском мультфильме «Холодное сердце» Эльза хотела выйти замуж; так ее сестра, Анна отказала: «Нельзя выходить замуж за человека, которого знаешь всего несколько часов». И потом Эльза с ней согласилась, хотя речь шла о *принце*! А тут бродячий музыкант, г. на палочке.

Вторая серия вообще лютая дичь. Король, как нормальный отец, хочет вырвать свою дочь из лап проходимца, пока она еще жива. И нанимает сыщика. Зачем? Странствующая труппа должна выступать в каждом селении, иначе помрет с голоду, она никуда не скроется.

Сыщик приступает к работе. Ловит принцессу в лесу и увозит к отцу. Принцесса вместо благодарности устраивает отцу скандал. Тут же ее надо в башню на хлеб и воду на месячишко, чтобы в мозгах чуть прояснилось, потом замуж за первого встречного, пока совсем с катушек не съехала. Но папаня поет с нею дуэт. Мол, еще ребенок, скушай яичко и все пройдет. Тут диагноз надо ставить не принцессе, а всему семейству.

Далее — повторение сюжета: Трубадур устраивает новое похищение любимой. Блин, не девушка, а преходящий приз.

В общем, главный мой вопрос по сюжету: чему учит мультик детей? Нормальные девочки мечтают стать принцессой, жить во дворце, управлять королевством. Нам же показывают принцессу, которая мечтает стать нищенкой, отказаться от власти, избежать ответственности перед народом, лишиться своих детей наследства, стать добычей лихих людей, умереть от голода, холода или болезней в кратчайшие сроки. Неужели любовь вызывает дебилизм крайней степени? Если да, то этому надо учить девочек? Если вы возразите, что это просто сказка, соглашусь. Но сказка — ложь, да в ней намек. В этой сказке намеки чрезвычайно странные.

Дело о пивных бутылках

Раиса Васильевна работала приемщицей стеклотары в ближайшем гастрономе. Работа тяжелая и нудная, но мы не слышали, чтобы она жаловалась. Наоборот, в ее семье все было хорошо: дорого обставленная квартира, мотоцикл с коляской, на огороде домик. В то время все, кто хоть как-то связан с торговлей, жили неплохо. И вдруг она пожаловалась, что с ее склада воруют бутылки.

Склад совмещен с приемным пунктом. В день у нее собиралось несколько ящиков, за такой малостью машину не гоняли. Она приезжала раз в неделю и забирала всю стеклотару. При этом неизменно оказывалось, что ящика-два не хватает. Замок и пломбы на месте. Как материально ответственному лицу, ей приходилось компенсировать недостачу.

Соседки по дому посоветовали обратиться в милицию, но Рая махнула рукой: будут они такую малость расследовать: убытков-то на несколько рублей. Будет болтаться дело в милиции, ее дергать с работы. Была еще одна причина, о ней позже.

К делу подключился детектив БИ. Сходил к Раисе на склад, осмотрелся. Попросил у меня чернильный порошок (я еще писал чернильной ручкой) и промывалку (пластиковая банка с загнутой стеклянной трубкой, в лаборатории используется для промывания пробирок). Я спросил, зачем.

— Бутылки вора́м не нужны, — авторитетно заявил БИ. — Им нужны

деньги. Два ящика сдал — как раз на бутылку водки. Видимо их двое и без машины. И сдают наверняка в тот же самый пункт. Просто потому, что он единственный на все Черемушки. Тащить ящики в другой район накладно и заметно. Поэтому я помечу все бутылки, а потом посмотрю, кто сдал с меткой.

— Чем пометишь? — не понял я. — Нарисуешь на донышке «БИ»?

— Могут увидеть. Проще: кину в каждую бутылку по кристаллику чернильного порошка. А когда Раиса будет принимать бутылки, плесну в нее воды из промывалки. В которой появятся фиолетовые разводы, та и краденая.

— А если воры долго сдавать не будут? Сколько дней ты собираешься просидеть на сдаче? Да и нельзя посторонним.

— На это у меня есть другой план, — усмехнулся Борис. — Найдем, не бойся.

Борис решил дело за несколько дней. Ходил на пункт сдачи стеклотары, что-то искал в окрестностях дома. Потом заявил, что дело раскрыто. Мы, как Шерлок Холмс и доктор Ватсон, встретились на ступеньках подъезда с кружками чая с карамелью и Борис все рассказал.

— Наверное, перемазался с ног до головы чернилами? — улыбнулся я.

— Да ну, чернила — это для отмазки. В день сотни сдают, мне что, всю смену торчать? Я «спецсредства» сразу на полку в пункте закинул, чтобы не отсвечивали. В основном за Раисой присматривал, интересно она торгует, потом расскажу. А дело раскрыл почти сразу.

Воры замок не вскрывали, они вытаскивали ящики через крышу. Она вся прогнила, можно на склад залезть во многих местах. Брали всегда два ящика. Сдавали без тары, конечно. Ящики — палево, от них необходимо избавиться. Можно выкинуть или в хозяйство приспособить, но рискованно, если найдут. Ты видел когда-нибудь валяющиеся ящики? Нет и правильно, потому что они государственные. Проще сжечь. Поэтому я сходил в «канавки» (место, где мы жгли костры), покопался в золе и нашел железные уголки и гвозди. Спросил пацанов, кто приносил ящики. Сказали, что парни с 173 дома. Я их знаю, там банда. Я сходил к участковому...

— И что, их посадили? — я раскрыл глаза от удивления.

Детектив, не торопясь, развернул «Гусиные лапки», съел конфету и запил чаем.

— Я что, дурак, таких врагов заводить? У меня не было задачи кого-то посадить, у меня была задача прекратить воровство. Я рассказал Михалычу (наш участковый) о своих подозрениях и попросил походить во дворе дома с бутылкой в руках. И поспрашивать народ, не сдает ли кто стеклотару. А перед этим я пустил слух, что Михалыч вышел на след банды воров из магазина. И что он собирается пришить им все «висяки».

— Сработало?

— Раиса говорит, что да. Собиралась меня «премировать рублем», как она говорила, но я отказался. Мне было интересно, как она дела обстряпывает, так, что всегда при деньгах.

— Сама ворует бутылки? — догадался я. — Тогда понятно, почему в милицию не хотела обращаться.

— Зачем это ей? Все проще. Я обратил внимание, что она работает час-другой, потом закрывается, типа «тары нет» или «склад заполнен». Но при этом раз в неделю сдает полную машину. Оказывается, основной прием стеклотары идет не от населения.

Я тоже съел пару «Гусиных лапок» и высказал догадку:

— Инопланетяне сдают? Кто же покупает напитки, чтобы потом сдавать тару?

— Покупают-то граждане, конечно, — снисходительно ответил Борис. — А вот сдают цыгане или бомжи со свалки. Я сам видел, только надо очень рано приходить, еще до открытия.

— Она принимает со скидкой?

— Нет, по полной цене, 12 копеек.

— Ну и какая выгода от этого Раисе? — не понял я.

— Представь, что тебе нужно пять дней по 8 часов стоять на приеме, общаться с хамоватыми и часто нетрезвыми гражданами. Сортировать стеклотару, с ящиками возиться. Потом еще сдавать водителю базы, ругаться за каждое разбитое горлышко. А тут тебе с утра привозят сразу телегу бутылок: все чистые, без щербинок, уже отсортированные. Сами на склад завезут и в ящики расставят. Все, план на день выполнен, можно сваливать домой. Еще ящик сверху дадут.

— А где цыгане и бомжи берут бутылки?

— Бомжи на свалке собирают. А цыгане у населения по 8–10 копеек. Многим лень отстаивать очередь в пункте приема.

— Так же нельзя, — сказал я, — ее ОБХСС должно давно взять.

— Раиса не дура, она делится. С водителем, директором базы, наверняка и выше уходит. Они все создают условия, когда гражданам проще выкинуть бутылку или цыганам отдать. Вся цепочка наваривается.

— Это похлеще воровства бутылок будет, — заметил я. — А что ты участковому не рассказал? Было бы громкое дело.

— Я думаю, Михалыч тоже в доле. Ему проще с них небольшую копейку иметь, чем сдать ОБХСС и потом на их место придут другие ловкачи. Ты пойми, в нашей торговле почти все обманывают, иначе там не удержишься. Блат, обвес, усушка-утряска, несуны. Раису давно бы уволили, если бы она не делилась.

— Получается, парни с нашего двора как бы не при делах?

— Как это «не при делах»? — удивился Борис. — Нельзя воровать социалистическое имущество. Наше советское государство это не любит и жестко обороняется. А те, кто «химичат» в торговле, они как бы свои.

— Как это? Они же тоже воруют.

Рубцовск, магазин, 1960-е

— Они не воруют, а *перераспределяют*. У нас в стране дефицит всего, все равно на всех не хватит, как ни раздавай. Но те, кто у власти, хотят больше,

чем работяги, иначе зачем им власть? Поэтому созданы спецраспределители, блат. Это не где-нибудь на Луне происходит, а в той же торговле. Поэтому те, кто там работает, или соглашаются на двойные стандарты, или увольняются. Честная торговля самой номенклатуре не нужна, иначе они останутся без ништяков. Поэтому зачем им сажать своих?

— А как же ОБХСС? — не понял я. — Они точно сажают. У меня папа там работал одно время.

— Считай, это внутренняя полиция. Ловят тех, кто отбивается от рук, не хочет делиться, ворует по-черному. Держат в тонусе. Простой пример. Согласно газетам, у нас мяса завались, я с этим согласен. Но ты давно видел вырезку, например, на прилавке? Она есть, только уходит «налево». В этом участвуют все, начиная от мясника, и кончая министром пищевой промышленности.

— Ну ты сказал, «министр»!

— Скажем, у министра другие доходы, но он создает эту систему и поддерживает. Хочешь хорошее мясо — или вступай в систему блата, или плати больше. И так почти со всеми товарами. Так что я не дурак влезать между шестеренок огромного, хорошо отлаженного механизма. Перетрет и выплюнет, не заметив, вместе с всей моей правдой. А вот парням с 173 дома с воровством лучше завязывать. А то будут кормить их за казенный счет. Если воровать, то по-крупному, тогда не посадят. Но у них для этого мозги жидкие.

Так я познакомился с социалистической системой распределения. Мне стало понятно, почему на прилавках так мало товаров. Но почему мы не могли произвести достаточно, еще долго не понимал.